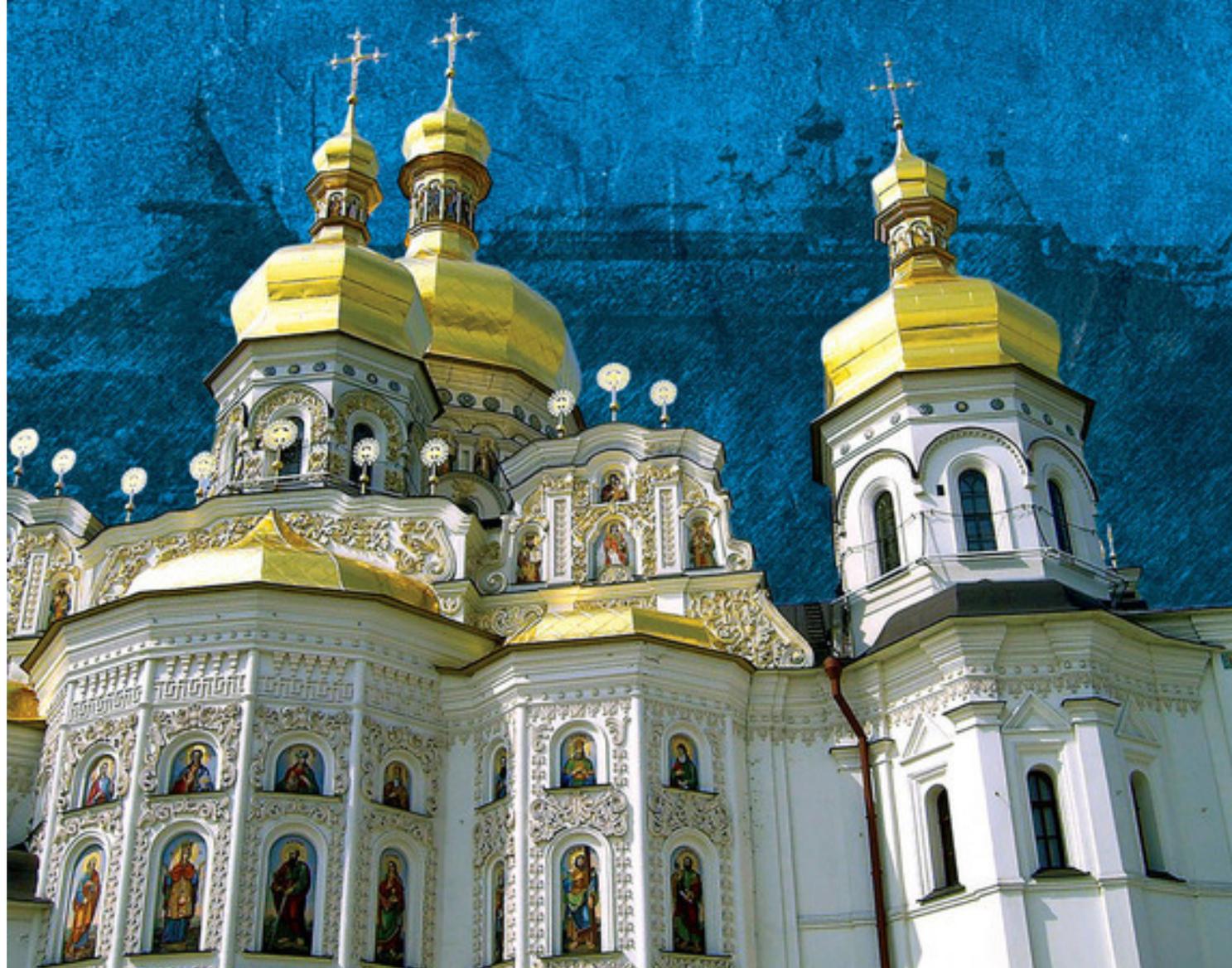

Коллекция всемирного наследия

❁ 50 ❁

ВЕЛИКИХ МОНАСТЫРЕЙ

50 великих

Надежда Ионина
50 великих монастырей

«ВЕЧЕ»

2008

Ионина Н. А.

50 великих монастырей / Н. А. Ионина — «ВЕЧЕ»,
2008 — (50 великих)

ISBN 978-5-4444-9079-2

Издревле монастыри считались хранителями духовной культуры христианского мира. Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о монастырях католического Запада и православного Востока, ставших поистине общемировыми святынями, местами паломничества и одновременно памятниками архитектурного наследия. Но мало кто знает, что существуют также и буддийские монастыри. Ведь в традиции этой мировой религии, как и в христианстве, центры отшельнического жития, совместной молитвенной практики и хозяйствования по праву именуются монастырями.

ISBN 978-5-4444-9079-2

© Ионина Н. А., 2008
© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Аббатство Сен-Дени	6
Эчмиадзин	9
Синайский монастырь Святой Екатерины	12
Ватопедский монастырь	16
Монастырь Архангелов в Каппадокии	19
Монастырь Живоносного источника в Балуклии	21
Лавра Саввы Освященного в Палестине	24
Студийская обитель	28
Обитель Бенедикта Нурсийского	32
Гареджийская пустынь	36
В монастырях Эфиопии	39
Легендарный Шаолинь	42
Сен-Галленская обитель	45
Первый буддийский монастырь Тибета	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Н. А. Ионина

50 великих монастырей

© Ионина Н. А., 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Аббатство Сен-Дени

К началу XX в. Сен-Дени, расположенный к северу от Парижа, был небольшим городком, заурядным и скучным. Но его собор был главным храмом монастыря, основанного еще в III в. святым Дионисием – просветителем Франции. Аббатство Сен-Дени располагалось в области Иль-де-Франс, являвшейся королевским доменом – наследным владением французских королей, в то время как другие области страны принадлежали различным феодалам. В первой трети XII в. король Людовик VI начал постепенно собирать французские земли; это продолжили его преемники, и к концу столетия образовалось централизованное государство.

Монастырь Сен-Дени, издавна служивший усыпальницей французских королей, сделался интеллектуальным и духовным центром, в котором вырабатывались идеи, освящавшие королевскую политику. Заслуга в этом принадлежала аббату монастыря Сугерию – другу и советнику короля Людовика VI, а затем и его сына – Людовика VII. Под руководством Сугерия в монастыре тщательно собирались (а порой и фабриковались!) доказательства преемственности власти французских королей от Карла Великого – первого императора Западной Европы. Создавался целый миф о королях Франции – наследниках Карла Великого.

Этой же цели служил и культ святого мученика Дени (Дионисия) – небесного патрона Франции и личного покровителя короля. С IX в. в монастыре хранилось предание, что святой мученик Дени есть не кто иной, как Дионисий Ареопагит – ученик апостола Павла, считавшийся первым епископом Афин и автором мистических сочинений, относящихся к более позднему времени (исторически это предание ничем не подтверждается). К мощам святого Дени стекались тысячи паломников, которых привлекали еще и знаменитые ярмарки аббатства. Так что значение монастыря быстро росло, что, в свою очередь, потребовало возведения нового, более обширного храма, который бы удивлял современников и заставлял их чувствовать величие королевской власти.

В 1132 г. при знаменитом аббате Сугерии в Сен-Дени начали перестраивать старую церковь, возведенную еще в эпоху Каролингов – в 775 г. Через 100 лет башня базилики и часть нефа были разрушены грозой, и к началу XII в. возникла необходимость перестроить ее. Новая церковь должна была стать идейным и политическим оплотом Капетингов, к тому же она явилась одним из первых готических сооружений Франции и, как пишет в своем исследовании искусствовед Е. П. Ювалова, даже отправным пунктом развития всей европейской готики. Хотя само мероприятие это на первый взгляд не было таким уж грандиозным. Корпус старинной церкви, которая представляла собой довольно большое сооружение, оставили нетронутым, а заменили лишь восточную и западную ее стороны. Однако композиция этих частей храма, принципы соотношения архитектуры и скульптуры и прочие задумки были настолько кардинальными, что впоследствии воссоздавались несколькими поколениями зодчих.

В то время в европейской архитектуре господствовал романский стиль, творческие возможности которого еще не до конца были исчерпаны.

Иль-де-Франс, в отличие от других французских местностей, не имела в этом отношении прочных традиций и в романскую эпоху не дала ни одного значительного архитектурного ансамбля. Но именно это обстоятельство и обусловило своеобразный синтез архитектуры и декора церкви Сен-Дени.

Для возведения нового сооружения были использованы традиции самых разных областей Франции. Например, на витражное оформление церкви оказали влияние мастера Лотарингии, славившиеся искусством эмалей. В результате целенаправленного собирания отдельных черт романской архитектуры создавался новый тип храма, воплощавший совер-

шенно иные эстетические представления. Отличные от романского искусства, они сильнее воздействовали на разум и чувства верующих.

В целом отдельные части монастырского комплекса, соединенные вместе, представляли собой укрепленное сооружение – не только с виду неприступное, но и в действительности отражавшее вражеские набеги. К тому же Сугерий, вероятно, намеренно стремился повторить в новой постройке некоторые формы каролингской базилики, чтобы его не упрекнули в посягательстве на старое здание. Ведь прежняя церковь служила не только местом хранения реликвий, но и сама была своего рода реликвией, так как, по преданию, ее построил Карл Великий, а освятил Иисус Христос.

Но создание такого монастыря-крепости, способного защитить от возможного нападения врагов, было оправданно в ту беспокойную эпоху, когда велись междоусобные войны и не утихала война короля с феодалами.

Строительство храма велось под непосредственным наблюдением и при самом деятельном участии аббата Сугерия. Он сам нанимал мастеров, изыскивал материалы для строительства, разрабатывал иконографию для убранства храма. Аббат был человеком не только энергичным и честолюбивым, но и эстетически одаренным: прекрасно чувствовал образную новизну возводимого храма и старался максимально достигнуть ее. Торжественное освящение храма состоялось 14 июля 1144 г. в присутствии короля Людовика VII, королевы Элеоноры Аквитанской, знатных вельмож, многочисленных французских и английских епископов и архиепископов и сопровождалось перенесением орудий Страстей Христовых и мощей святого Дени и других святых из крипты на многочисленные алтари, воздвигнутые в капеллах и посреди церкви.

Целых семь лет трудились ювелиры и золотых дел мастера над изготовлением семиметрового, богато украшенного распятия. До нашего времени оно, к сожалению, не сохранилось, однако Сугерий со свойственной ему тщательностью подробно описал, как оно выглядело. Распятие представляло собой сложный комплекс со множеством изобразительных элементов. Сказалась в нем и любовь аббата к роскоши и тонкости обработки драгоценных материалов. Оно было воздвигнуто у входа на хоры – над тем местом, куда, по преданию, дошел святой Дени, держа в руках свою отрубленную голову. Основание креста украшали фигуры евангелистов и сцены из жизни Спасителя. Крест и фигура распятого Иисуса Христа были выполнены из золота, заднюю часть креста украшали многочисленные геммы и драгоценные камни. На распятие было помещено ожерелье королевы Матильды – супруги короля Дагоберта, основателя церкви Сен-Дени.

Крест должен был напоминать паломникам о реликвиях Страстей Христовых, которые хранились в аббатстве со времен Карла Лысого, о древности королевской власти во Франции и т. д.

Новая церковь, возведенная святым Людовиком, в течение последующих веков не раз перестраивалась, однако король Луи Филипп возвратил зданию его первоначальный вид. Но на протяжении столетий облик церковного фасада постепенно искажался и обеднялся. В XVI в. его скульптуру повредили гугеноты, бросавшие в статуи камни.

В 1771 г. все статуи порталов и рельеф южного тимпана были вообще упразднены; тогда же исчезли и каменные балки со скульптурными фризами под тимпанами, а центральный портал лишился центрального столба, украшенного статуей святого Дени. Через 20 лет переплавили бронзовые двери порталов с эмалевыми пластинами, на которых были изображены сцены из Ветхого и Нового Завета. Впоследствии архитектуре фасада нанесли урон и некавалифицированные реставрации. Так, в 1830–1840 гг. архитектор Депре восстановил верхние ярусы и шпиль северной башни, пострадавшей от молнии, из слишком тяжелого камня. Из опасения, что башня рухнет, ее пришлось вообще разобрать.

Следует учитывать и то, что за прошедшие века уровень почвы перед фасадом церкви поднялся более чем на два метра, из-за чего порталы оказались укороченными и потеряли свою прежнюю легкость. Из оконной живописи храма до настоящего времени сохранилась лишь большая розетка с библейскими сюжетами на фасаде XIII в.

Эчмиадзин

Первую христианскую проповедь в Армении связывают с апостолом Варфоломеем, но христианство как государственная религия утвердилось здесь на рубеже III–IV вв. По свидетельству историков, войска царя Трдата III, утверждая новую веру огнем и мечом, беспощадно уничтожали языческие храмы и мраморные статуи богов, а также сжигали бесценные рукописи.

Основателем армянской христианской церкви считается Григор Партев, много сделавший для распространения христианства в Армении, за что его назвали Лусаворич (Просветитель). В самом начале IV в. он заложил в г. Вагаршапате кафедральную церковь Катуке («Вселенская», «Мать церквей»), которая впоследствии стала называться Шогакат («Истечение света»), а позже, в 303 г., – Эчмиадзинский кафедральный собор – на месте языческого культового центра.

Согласно легенде, Григор Лусаворич увидел во сне Иисуса Христа – Сына Бога Миацина (Единородного), который с огненным молотом сошел с неба и указал место для строительства храма. Отсюда и произошло название храма: «Эчмиадзин» означает «Здесь сошел Единородный Сын».

Внутри собора под центральным куполом был устроен алтарь, который называется «ичман сехан» (место сошествия). Одновременно с храмом Эчмиадзин в центре Вагаршапата воздвигаются часовни Рипсимэ (в честь дев-мучениц), Гаянэ и др. В III–IV вв. в Армении начинает формироваться феодальный строй, что повлекло за собой развитие культуры. Большим событием в истории народа стало изобретение в конце IV в. Месропом Маштоцем армянского алфавита, ставшего основой для развития литературы и историографии.

Эчмиадзин является духовным центром Армяно-григорианской церкви, во главе которой стоит патриарх-католикос¹. Но многострадальному армянскому народу постоянно приходилось бороться с иноземными захватчиками, посягавшими на его независимость. Каждое нашествие их сопровождалось разрушением городов, и в V в. патриарший престол после опустошительного набега персидского царя Шапура II (364–369) был даже перенесен в новую столицу – Двин.

В V в. при князе Вагане Мамиконяне начались работы по перестройке храма, но тогда они не были завершены, и в VII в. Эчмиадзин подвергся коренной реконструкции. На месте прежних небольших часовен сооружаются выдающиеся памятники армянской архитектуры – храмы Рипсимэ, Гаянэ, Шогакат и др. Но в середине столетия Армению завоевывают арабы, и с этого времени Вагаршапат утрачивает свое бывшее значение. Только в 1441 г. Эчмиадзинский монастырь начинает постепенно возрождаться, так как сюда вновь был перенесен престол католикоса (из г. Сиса). Проводились большие работы по восстановлению церкви в Эчмиадзине, росло число монахов, укреплялось экономическое положение монастыря. В XVII в., когда монастырь вновь стал процветать, возобновились фундаментальные работы по восстановлению соборного храма и возведению новых монастырских построек. В этот же период обитель обнесли крепостными стенами.

В первой половине XVII в., в годы строительной деятельности католикоса Мовсеса, были возведены триумфальные Трдатовы ворота, которые вели к западному (главному)

¹ До VI в. Армянская церковь была едина с православной Византийской церковью, а затем выделилась из нее. Основное расхождение с православием и католичеством заключается в защите Армянской церковью монофизитства. Католикос всех армян избирается Собором, в котором участвуют представители верующих армян всего мира. Из 26 епархий, на которые делится Армянская церковь, 20 находятся за рубежом – в Америке, Африке, Европе и на Ближнем Востоке.

входу в собор. Под его аркой в дни церковных праздников стало проходить торжественное шествие из нового здания католикосата в храм и обратно.

За долгое время своего существования соборный храм Эчмиадзина много раз разрушался и восстанавливался, поэтому его архитектурное единство до наших дней не сохранилось. Дошедший до нас храм Эчмиадзин представляет собой однокупольное церковное здание, но какими были его первоначальные формы, среди ученых нет единого мнения. На северной и западной сторонах храма можно увидеть старинные стены с характерными для IV–V вв. деталями (например, две плиты с барельефами, из которых одна изображает святых Павла и Феклу, а другая – птицу и надпись на греческом языке).

Последняя значительная реставрация производилась в 1956–1965 гг. при католикосе Вазгене I. Во время этих работ железобетоном были отделаны основания пилонов, несущих купол, да и сами пилоны, к тому времени уже опасно потрескавшиеся, тоже были основательно укреплены.

Соборный храм находится в центре монастырского комплекса, в который входят еще несколько зданий и сооружений. Так, на некотором удалении от монастырского сада расположилась церковь Гаянэ – одна из достопримечательностей Эчмиадзина. Построена она в 630 г. при католикосе Езре на месте существовавшей до нее часовни, которая в свою очередь была возведена на месте погребения тела мученицы Гаянэ, убитой вместе со своими подругами за распространение веры Христовой. В 1652 г. при католикосе Филиппосе церковь основательно отремонтировали: восстановили разрушенные стены, каменную кровлю и барабан с куполом. В 1683 г. (уже при католикосе Егиазаре) с западной стороны к церкви пристроили сводчатую галерею, ставшую местом погребения служителей монастыря.

На восточной стороне Эчмиадзина расположена церковь Шогакат, неподалеку от которой сохранились развалины небольшой часовни. По предположениям ученых, часовня эта была сооружена в начале IV в. на месте погребения подруги девы Рипсимэ, убитой в садах Вагаршапата. Сама же церковь Рипсимэ, стройная и величественная, высится на восточной окраине города. Легенда об этом храме связана с принятием в Армении христианства.

Римский император Диоклетиан, желая избрать себе супругу, послал во все концы своей империи художников, чтобы те написали портреты всех красивых девушек. Гонцы прибыли в один римский город, в котором находился женский монастырь. Игуменью обители звали Гаянэ, и была в монастыре прекрасная воспитанница Рипсимэ (из царского рода).

Когда император увидел ее портрет, красота девушки ослепила его, и он решил немедленно жениться на ней. Послы Диоклетиана подняли на ноги империю, чтобы все участвовали в свадебных торжествах. Когда же весть эта достигла монастыря, Гаянэ решила удалиться с девушками из империи. После долгих скитаний они прибыли в г. Вагаршапат и укрылись в одном из садов, в виноградной давилльне. Пищу добывали продажей своих одежд и стеклянных бус, которые изготовляла одна из девушек.

Побег монахинь вызвал великое смятение. Во все концы империи были посланы гонцы на их поиски, и одно из посольств прибыло к армянскому царю Трдату с грамотой от императора Диоклетиана: «Если эти христиане нашли убежище в твоей стране, то позаботься отыскать их. Убей тех, кто с Рипсимэ, а ее отправь ко мне. Если же красота ее тебя прельстит, то возьми ее себе, ибо подобной красавицы не рождалось еще во всей стране».

Гонцы Трдата нашли беглянок в садах Вагаршапата, и три дня воины держали их в окружении. На третий день молва о красоте Рипсимэ разнеслась по городу, и все горожане – мужчины и женщины, знать и простолюдины – собрались на площади, чтобы увидеть красавицу. Царь приказал привести ее невестой к нему во дворец, а остальных девушек оставить в давилльне.

Когда придворные рано утром понесли Рипсимэ драгоценные наряды и золотой трон, чтобы достойно ввести ее во дворец, Гаянэ начала увещевать, чтобы та не давала ослепить себя дарами царя-язычника, а оставалась верной Христу.

Рипсимэ не захотела идти во дворец, и подданные силой отвели ее в царские покои. Не желая принадлежать царю, она в поединке победила его силой небесной, хотя царь был богатырем, о храбрости которого ходили легенды не только в Армении. В разорванной одежде Рипсимэ выскользнула из дворца, пробралась через толпу и направилась к восточным воротам города. Проходя мимо давилни, она позвала своих подруг, и все отправились дальше. В ночной тьме добрались они до песчаного холма и стали молиться. Тут их и настигли гонцы царя Трдата. Схватив Рипсимэ, они привязали ее за руки и за ноги к кольям и сожгли на костре. Подруги Рипсимэ стали выпрашивать ее прах, но палачи поубивали их всех.

Трдат исполнился гневом на христиан, вера которых привела к гибели стольких людей. По его повелению были умерщвлены и Гаянэ с двумя подругами. Шесть дней оплакивал царь потерю Рипсимэ, а на седьмой день отправился на охоту, во время которой превратился в кабана. В зверей превратились и придворные, и все население города.

После этого Хосровидухт (сестра царя) приснился сон, что исцелить всех может только Григорий, ввергнутый Трдатом за преданность вере христианской в яму. Извлекли его из ямы, и он исцелил, а потом обратил всех армян в веру христианскую. На могиле святых мучениц он воздвиг часовни.

Церковь Рипсимэ была возведена в 618 г. при католикосе Комитасе. В 1776 г. ее территория была огорожена сырцовыми стенами с башенками, но до наших дней они сохранились только с северной и частично с западной сторон. С присоединением Армении к России в 1828 г. в обители началось новое строительство, и в конце XIX в. были возведены каменная стена, ограждающая церковь с южной и восточной сторон, и жилой дом во дворе церкви.

Звартноц (Храм бдящих сил небесных) еще в конце XIX в. был покрыт толстым слоем земли, и только в результате раскопок 1901–1907 гг. были обнаружены остатки этого великолепного сооружения, возведенного при католикосе Нерсесе III, которого за его выдающуюся деятельность называли Строителем. Архитектура храма Звартноц – местная². По свидетельству армянского историка Каланкатуваца, византийский император Константин III, прибывший в Армению в 652 г. с важной политической миссией, участвовал в освящении храма. Он был настолько поражен его красотой, что повелел строителю следовать в Константинополь, чтобы возвести и там столь же великолепный храм. Но строитель (имя которого историк не называет) скончался в пути.

К сожалению, и жизнь храма Звартноц оказалась недолговечной. В X в. он разрушился и теперь лежит в руинах. Но и по ним можно представить былое величие храма. С 1937 г. здесь действует небольшой музей, в котором выставлены найденные во время раскопок предметы древности.

² На территории Закавказья имеется всего 4–5 памятников указанного типа.

Синайский монастырь Святой Екатерины

Этот православный мужской монастырь расположен на юге Синайского полуострова – в оазисе Фанар, который называют изумрудом Синая. Такое сравнение вызвано красотой цветущего края, оттененной суровым величием скалистых гор, обрамляющих его своими остроконечными вершинами. В нескольких десятках километрах от Фанара, между тремя отдельно стоящими горами – Хорив, Моисеевой и Св. Епистимии, – и разместилась святая обитель. На территории монастыря находится Неопалимая Купина, в которой Господь явился Моисею: «И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я (Господи)!» (Исх. 3: 2–4).

Стремясь быть поближе к Богу и спасаясь от преследования римских язычников, монахи начали селиться на Синайском полуострове уже с III в. А в первой половине IV в. монахи обратились к равноапостольной царице Елене, матери императора Константина, ища ее поддержки. И в 330 г. по ее повелению возле Неопалимой Купины были возведены небольшая церковь в честь Божьей Матери – на том самом месте, где рос «пылающий терновник», где Бог разговаривал с Моисеем и поведал ему 10 заповедей; и башня – убежище для монахов на случай набегов кочевников. Сам же монастырь был основан в царствование императора Юстиниана, который повелел соорудить вокруг церкви и башни мощные стены. Главный вход в монастырь был сделан с западной стороны, а над ним устроена бойница, через которую на нападавших можно было лить кипяток или кипящее масло. Сейчас этот вход закрыт, но слева от него есть другой, поменьше, – им и пользуются в настоящее время.

Возводил монастырские стены архитектор Стефанос. В северной части обители он построил новую церковь, тоже посвященную Божьей Матери. Часовня в честь Неопалимой Купины, возведенная равноапостольной царицей Еленой, стала частью новой церкви, сооруженной из гранита в форме базилики. Над деревянными входными дверями надпись: «Вот врата Господа; праведные войдут в них» (Пс. 117—20).

Вдоль церкви было возведено 12 колонн – по числу месяцев, – над каждой колонной установлена икона с изображениями святых, память которых празднуется в данный месяц. Алтарь часовни в честь Неопалимой Купины устроен не над мощами святых мучеников (как это обычно делается), а над корнями «несгораемого терновника». Для этого даже пришлось пересадить куст, и сейчас он растет в нескольких метрах от часовни³.

Через несколько десятилетий после возведения церкви, тоже посвященной Пресвятой Богородице, была создана удивительная мозаика – «Преображение Господне». Создателями ее были, видимо, сами монахи, и церковь получила название в честь «Преображения Господня».

А монастырь свое название получил во имя св. Екатерины, которая родилась в Александрии в княжеской семье.

В ее житии рассказывается:

«Она отличалась необыкновенной красотой и мудростью, овладела многими науками и знала несколько иностранных языков. Многие знатные юноши сватались к ней, но она пожелала избрать равного себе красотой и ученостью. А когда познакомилась с учением Иисуса Христа, то решила стать христианкой. Император Максимиан, плененный красотой и умом святой Екатерины, предлагал ей выйти за него замуж. Но девушка ответила отказом,

³ Это единственный куст такого рода на всем Синайском полуострове, и ни одна попытка отсадить его отросток в другом месте успеха не имела. Только в Горнем монастыре на Святой земле куст прижился.

потому что она – невеста Христова. Для состязания с ней император созвал всех ученых, но она одержала верх над ними и обратила в христианство 50 самых ученых язычников. Все они были сожжены, а св. Екатерину по повелению императора подвергли истязаниям: сначала ее били воловьими жилами, а потом привязали к колесу. Но случилось чудо – колесо распалось.

И посрамленный мудрыми советами и непоколебимой твердостью св. Екатерины, нечестивый мучитель после самых изощренных пыток повелел отсечь ей голову. Пред смертью св. Екатерина молилась, чтобы тело ее не досталось мучителям, и тогда, по преданию, ангелы перенесли его на гору Синай, где оно почивало более 200 лет, а потом монахи нашли мощи и перенесли их в обитель».

Монастырь, обнесенный высокими и крепкими стенами, представляет собой неправильный четырехугольник и больше похож на крепость, чем на иноческую обитель. Ворота ее в прежние времена всегда были закрыты, так как монастырь не раз подвергался нападению со стороны кочующих бедуинов. Нападали они и на паломников, направлявшихся в монастырь, но впоследствии энергичными действиями египетских властей это зло было прекращено.

Согласно преданию, в 625 г. монахи монастыря во имя Св. Екатерины направили в Медину посланцев, чтобы заручиться покровительством пророка Мухаммеда. Копия охранной грамоты гласит, что мусульмане берутся защищать монахов. Монастырь был освобожден и от уплаты налогов, а по легенде в одну из своих поездок в качестве купца эту святую обитель посетил пророк Мухаммед, и это вполне вероятно. Так что, когда в 641 г. Синайский полуостров завоевали арабы, монастырь жил привычной жизнью.

В XI в. в нем была выстроена мечеть – чтобы расположить к себе менее веротерпимых правителей. При крестоносцах монастырь пережил период возрождения, а когда Египет подпал под власть Османской империи, у святой обители появился новый покровитель. Турецкие власти не посягали на права монахов и даже предоставили настоятелю монастыря особый статус. Покровительствовал обители во имя Святой великомученицы Екатерины и Наполеон Бонапарт, о чем сказано в особой Декларации. Император французов дал средства на восстановление северного крыла монастыря, поврежденного в 1798 г. в сильную бурю.

На территории монастыря разбит тенистый сад, который возделывается на почвах, привозимых на верблюдах с берегов Нила.

Соборный храм расположился в центре монастыря; своды его поддерживаются 16 мраморными колоннами, в каждую из которых вложены мощи святых угодников Божьих. Мраморный пол собора выложен мозаикой, внутреннее убранство церкви великолепно.

Всего в храме Преображения Господня пять приделов; главный из них – придел Неопалимой Купины – устроен позади центрального алтаря на том самом месте, где Моисею явился ангел Господень в пламени огненном. Святое место явления Неопалимой Купины покрыто серебряной иконой с чеканным изображением горящего куста и чудес Божьих, здесь совершенных. Икона, освещаемая множеством драгоценных неугасимых лампад, расположена на мраморном полу; над ней на четырех мраморных столбиках установлен престол, находящийся в полусферическом углублении в восточной стороне храма.

В приделе Неопалимой Купины священники из уважения к святыне всегда служат без обуви. И все верующие, приближаясь к этому месту, тоже благоговейно снимают обувь.

В алтаре соборной церкви, в белой мраморной раке, под балдахином покоятся мощи святых угодников Божьих и преславной великомученицы Екатерины. Честная глава ее украшена золотым венком, а на святой руке ее – обручальный залог (золотое кольцо); эти святыни хранятся в серебряной шкатулке, украшенной драгоценными камнями.

В приделе во имя Успения Пресвятой Богородицы, в пещере под спудом, покоятся мощи преподобных Исаака Сирина, Ефрема Сирина и многих других, убитых сарацинами на Синае и в Раифе. Здесь же находится и гробница св. Иоанна Лествичника, но вход в

эту пещеру закрыт. Когда-то, согласно преданию, епископ Синайский захотел осмотреть пещеру и приказал открыть дверь в нее. Но дверь не поддавалась, а когда начали ломать ее, из пещеры исторглось пламя и обожгло лицо епископа. С тех пор никто не дерзал войти в пещеру, а уstraшенный епископ в память о свершившемся приказал повесить над входом икону преподобных.

В другом приделе паломникам показывают место, где во время молитвы святых отцов потекло деревянное масло. Но как только один из служителей дерзнул продать каплю его посетителям, оно исчезло.

В 1871 г. монах Григориус построил звонницу; в ней было девять различных колоколов – дар российских царей, а также деревянный колокол (талантон), который использовался до появления металлических.

Братия Синайского монастыря состояла из греков, болгар, молдаван и русских. Со временем число иноков стало сокращаться, и в конце XIX в. их было не более 50 человек. Игумен почти постоянно жил в Каире и в обители бывал редко; всеми делами монастыря управлял его наместник.

Синайский монастырь – общежительный. Все средства на свое содержание монахи получают из Каира; рыбу и финики им в изобилии поставляют из Раифы с собственного подворья, а маслины и фрукты – из монастырских садов.

На территории монастыря находится колодец с пресной водой – тот самый, у которого Моисей отдыхал после своего исхода из Египта. Здесь он отогнал пастухов, которые оскорбляли дочерей Иофора; напоил их овец, а потом женился на одной из дочерей Иофора – Сепфоре – и таким образом сделался его зятем.

В саду устроена братская усыпальница. В ней находятся мощи бывшего привратника обители – преподобного Стефана (в сидячем положении), а также частицы мощей двух братьев-царевичей, подвизавшихся в монастыре во имя Св. Екатерины.

На скалистой горе Хорив, к юго-западу от Синая, стоит небольшая церковь во имя Приснодевы «Экономиссы». Пресвятая Богородица однажды явилась эконому монастыря и укрепила его в терпении, так как вся монастырская братия в течение нескольких дней терпела голод. Не получая продовольствия из Каира, монахи решились было оставить обитель. Но вскоре после явления Божьей Матери в монастырь прибыл караван с продовольствием. В память об этом чуде и была устроена церковь – на том самом месте, где Пресвятая Богородица явилась опечаленному эконому, вышедшему за пределы обители проститься с ее окрестностями.

Одной из достопримечательностей обители стала ее библиотека, в которой собрано около 3500 древних текстов на греческом, латинском, арабском и других языках. Специалисты считают, что по своей ценности (бесценности!) это собрание уступает только библиотеке Ватикана. Самый древний манускрипт библиотеки – «Синайский кодекс» V в. (с копией VII или VIII в.). Прежде же в монастырской библиотеке находился еще более ценный «Синайский кодекс» – греческий манускрипт IV в. Но в 1865 г. немецкий ученый Тишендорф взял его от имени русского царя на время для изучения. «Синайский кодекс» доставили в Санкт-Петербург, и в монастырь он больше не вернулся⁴.

Другим сокровищем Синайского монастыря является коллекция из 2000 икон, имеющих духовную, историческую и художественную ценность; 12 древнейших из них написаны восковыми красками в период основания самой обители. Множество украшающих храмы лампад – дары монархов разных стран.

Ежедневно монастырь посещают многочисленные паломники. Многие из них поднимаются на священную гору, чтобы встретить там рассвет. Тропа в 2000 ступеней ведет на

⁴ В 1933 г. Британский музей в Лондоне приобрел манускрипт у Советского Союза за 100 000 фунтов стерлингов.

вершину, где рядом с молельней Моисея расположилась и мусульманская мечеть. Утром у стен монастыря начинают собираться паломники со всех концов света. Когда стихает разноязычный гомон, монах отворяет небольшую дверь, окованную железом, и все проходят в узкий монастырский дворик, ведущий к церкви.

Жизнь иноков этой обители мало зависит от внешнего мира и протекает словно в далеком прошлом. Каждое утро в 3 часа 45 минут монахов будят удары монастырского колокола, который звонит 33 раза – по одному удару на каждый год земной жизни Иисуса Христа.

Синайский монастырь во имя Святой великомученицы Екатерины принадлежит Греческой православной церкви и является автономной архиепископией. Архиепископа рукополагает Иерусалимский патриарх.

Ватопедский монастырь

Ватопедская обитель расположилась на северо-восточном склоне Святой горы. С трех сторон монастырь окружен горами, покрытыми густым лесом, а с северо-востока перед ним простирается безбрежное море. Ватопед считается на Афоне одним из богатейших монастырей, и иногда его даже называют «Ватопедской лаврой».

Основателем монастыря считают византийского императора Константина Великого, который воздвиг здесь первый храм в память благодатного пришествия на Святую гору Пресвятой Богородицы. Так что Ватопед – очень древняя обитель. Юлиан Отступник в IV в. разрушил ее, однако в конце того же столетия монастырь был восстановлен, и связано это было со следующим случаем.

Согласно преданию, царевич Аркадий (сын императора Феодосия I), возвращаясь из Рима в Константинополь, попал на море в страшную бурю. Корабль его поравнялся с островом Имвро, располагавшимся по соседству с Афонской горой. Аркадий ходил по кораблю взад и вперед и молился Пресвятой Богородице. Когда он находился неподалеку от борта, от налетевшего ветра корабль покачнулся, и царский сын упал в воду. Спутники его были в отчаянии, боясь императорского гнева, и стали слезно молиться Пресвятой Богородице. И молитва их была услышана: когда они пристали к Ватопедской обители, то, к своему изумлению, нашли царевича спящим в тени колючих кустарников. Этот случай и дал монастырю название – Ватопед (дитя в кустарнике, или колючие кустарники).

В благодарность Богу за спасение сына император Феодосий I в 390 г. восстановил прежний Благовещенский храм, устроил великолепную обитель, сделал в нее щедрые вклады и подарил ей пышные дачи в Македонии и близ Солуня. На том месте, где был найден царевич, теперь алтарь величественной соборной церкви.

В соборе хранится величайшая святыня христианского мира – пояс Божьей Матери, ранее находившийся во Влахернском храме в Константинополе. Ватопедской обители пояс был подарен святым Саввой Сербским. К святыням собора относятся также большая часть Животворящего древа Креста Господня; крест императора Константина Великого, с которым он ходил в военные походы; часть трости, которой бичевали Иисуса Христа. Монастырь очень дорожит этими святынями и не всем их показывает.

Много в Благовещенском храме мощей учеников Иисуса Христа и мощей угодников Божьих: все они хранятся в серебряных ковчегах в алтаре храма.

Купол собора поддерживают четыре прекрасные порфирные колонны – дар императора Гонория. На горнем месте в храме – чудотворная икона Божьей Матери, называемая «Ктиторскою». Когда в IX в. сирийцы расхищали обители Святой горы, добрались они и до Ватопеда. Екклесиарх взял образ Божьей Матери и крест, спрятал их в колодце и зажег перед святынями свечу, а потом вровень с полом все искусно закрыл мраморной плитой. Монастырь был разрушен, но святыню так и не нашли.

Несколько десятилетий епископ томился в плену и наконец получил свободу. Ватопедская обитель между тем стала оправляться после разбойничьих набегов, но никто не знал о скрытой иконе, пока епископ не объявил, где он спрятал святыню. Когда подняли плиту, то, к великому удивлению, все увидели теплящуюся перед святынями свечу. Сейчас эта огромной величины свеча обложена оловом и серебром; она горит и не сгорает, потому что сверху на нее всегда кладется воск. Восьмиконечный крест, который называют Константиновским, стоит за престолом. Однако высказываются сомнения как в том, что он мог принадлежать императору Константину, так и в том, что император был ктитором монастыря. Тем более что надпись на кресте – славянская.

В алтаре соборного храма хранятся два небольших складня, которые называются игрушками царицы Феодоры – супруги императора Феофила, который хотел уничтожить иконопочитание. Но царица Феодора, выдавая иконы за игрушки, скрытно поклонялась им.

Во внешнем притворе храма обращают на себя внимание мозаичные изображения – единственные на Святой горе. В полукруге над входными дверями изображен Иисус Христос с молящимися по сторонам от Него Пресвятой Богородицей и Иоанном Крестителем. На обеих сторонах дверей тоже есть мозаичные изображения, вместе составляющие образ Благовещения. В соборном приделе во имя Димитрия Солунского находятся два поясных изображения Божьей Матери, которые признаются чудотворными. Одно из них называется «Закланная». Предание повествует о нем следующее.

Здесьшний экклезиарх иногда приходил в трапезу не в положенное время, а после всех. Однажды недовольный трапезарь в сердцах сказал, что надо приходиться вместе со всеми, а не как вздумается.

Дьякон оскорбился и еще настойчивее стал требовать обед, на что трапезарь сказал, что у него нет даже куска хлеба.

Злой и голодный экклезиарх вышел из трапезы и пошел в церковь, но мрачные мысли его не только не утихли, а еще больше разгорелись. В совершенном исступлении он подошел к иконе Богоматери и стал укорять Пресвятую Богородицу: «До каких пор я буду служить Тебе, Богородица? Трудись, трудись, а за все не только нет ничего у меня, но даже и куска хлеба в подкрепление усталых сил моих не дают». С этими словами он схватил нож, которым перед тем очищал воск от лампы, замахнулся и сильно ударил в щеку Пресвятой Богородицы.

Кровь хлынула из раны, и лик Богородицы побледнел, как лицо умирающего от смертельной раны. Тут экклезиарх затрепетал от ужаса и упал перед иконой.

Скоро в монастыре узнали о случившемся. Когда игумен и братия пришли в церковь, то с изумлением увидели, что кровь на щеке Пресвятой Богородицы еще не засохла. А убийца ослеп и совершенно обезумел.

Братия усердно молилась за него, но целых три года он, оставаясь в помешательстве ума, не сходя с места, оплакивал свое преступление. Божья Мать явилась ему во сне и объявила о Своем прощении. Однако рука у него отсохла. Теперь она представляет собой почерневшую кость, которая до Страшного Суда хранится в особом ящике. На лике Божьей Матери, названной «Закланной», виден небольшой бугорок, как будто здесь запеклась кровь.

Один священник, прибывший на Афонскую гору для поклонения ее святыням, нечаянно (или из любопытства!) коснулся раны Богородицы «Закланной». От этого прикосновения запекшаяся кровь осыпалась на самого священника. Но едва он вышел за порог церкви, как рука Владычицы Небесной покарала его, и он тут же скончался.

С наружной стороны этого придела, в нише, находится икона Божьей Матери «Живоприветной», от которой совершилось чудо.

Плакида, супруга императора Константина (дочь Феодосия Великого), в 382 г. захотела побывать в Константинополе, повидаться с братом своим Аркадием. Она попросила у мужа разрешения посетить и Святую гору Афон. В Ватопеде царицу торжественно встретили и повели в монастырь. По смирению своему она ступила в Благовещенский собор не через главный вход, а через боковые двери и уже хотела пройти из притвора в сам храм. Но вдруг с высоты раздался грозный голос: «Остановись, ни шагу далее, если хочешь себе добра!» Испуганная Плакида бросилась на помост и стала молить о прощении. В память об этом событии воздвигли здесь придельный храм во имя Святого Димитрия Солунского. А на том месте, где послышался таинственный голос, царица повелела изобразить лик Пресвятой Богородицы и заповедала теплеть перед ним неугасимую лампаду. С тех пор святогорские

старцы законоположили не пускать женщин на Святую гору, что до сих пор строго соблюдается.

Другая икона с образом Пресвятой Богородицы возвестила молящемуся иноку о приближении разбойников. Предвечный младенец, желая наказать иноков, поднял уже руку, но не успел заградить возгласа из уст своей Матери, и это спасло монахов. В 1280 г., когда под давлением императора Михаила Палеолога некоторые монастыри Афона приняли унию, ватопедские монахи остались верны православию. Тогда игумена Евфимия связали, увезли на стоящую среди моря скалу и сбросили в воду. Впоследствии благочестивый император Андроник (сын императора Михаила) возобновил обитель и сам скончался здесь.

В Ватопеде, неподалеку от соборного храма, богатыми греками было устроено училище, чтобы сохранить православие от «наскакивания» католических миссионеров и противодействовать мусульманам. Училище было вверено Евгению Булгарису – замечательному человеку, который был известен и в России, и в Греции. Он хотел сделать училище центром богословия, высшей греческой академией, но оно просуществовало всего лишь пять лет (1753–1758). Монахи обвинили Е. Булгариса в неисполнении церковных постановлений, и святое дело было загублено. А от здания училища остались только развалившиеся стены, заросшие колючим кустарником.

Библиотека в Ватопедской обители всегда была богаче, чем в других монастырях. В ней хранилось много древних рукописей, например, «Толкование митрополита Эфесского Марка на Евангелие от Матфея», некоторые сочинения против латинян, произведения Исаака Сирина, текст Священного Писания, собранный пресвитером Лукианом около 1600 лет назад, и др.

Монастырь Архангелов в Каппадокии

Этот монастырь, расположенный в горах Тавра в малоазийской области Каппадокия, был основан в IV в. По преданию, здесь в 325 г. останавливалась равноапостольная царица Елена, уже в преклонных годах совершившая путешествие в Иерусалим для обретения Честного древа Креста Господня. Однажды во время ночлега явился ей во сне вождь небесного воинства Михаил с вестью, что скрытый на Голгофе святой Крест извлечется ею из земли. Обрадованная этим известием, мать императора Константина обещала архистратигу воздвигнуть храм на месте его явления. «Не здесь, не здесь, – ответил ей посланник Божий, – а там, на месте, поросшем тернием, куда я сам тебя поведу, построишь обитель в честь архангелов и всех бесплотных сил, которые хранят человека и споспешествуют праведнику стоять в правоте».

Проснувшись, царица увидела над собой огненное тело в виде звезды, носящееся по воздуху. Эта звезда и направила ее путь через тернии, а потом остановилась над местом, где лежал один камень. Передала она ему часть своего небесного света и стала подниматься все выше и выше, пока совсем не скрылась из глаз. Престол архангелов в монастырском храме по преданию поставлен на месте, указанном царице; а камень подняли с земли и вделали в стену храма так, чтобы можно было видеть обе его стороны (противоположные), различающиеся между собой по цвету.

Когда Каппадокию завоевали турки, тогда еще, вероятно, существовали и другие памятники, возведенные царицей Еленой, потому что не только сам монастырь, но и прилегающие к нему места получили турецкое название Агилин, по произношению напоминающее греческое Агия-Елени (святая Елена).

Некогда обитель наслаждалась безмятежным покоем и благоденствием под державой благочестивых греческих императоров, из которых восемь носили имя Михаил. Не только Царьград – Константинополь делал в монастырь щедрые вклады, но и жители Кесарии, тогда еще многолюдной и состоящей из одних христиан. Множество паломников привлекал воздух, которым дышала равноапостольная царица Елена. Их манили места, где она шествовала под предводительством архангела Михаила. Под широкими листьями пальмы они любили собираться в праздничные дни, чтобы послушать рассказы старцев-иноков о прошлом края – от того самого времени, когда его посетила царица Елена. Кто не мог из-за немощи совершить путешествие в святой град Иерусалим, тот шел с посохом в руках к Агия-Елени и благоговейно касался порога святого храма, который был открыт днем и ночью, потому что иноки монастыря ежечасно славил Триединобо. Монастырская братия встречала инока, кто бы он ни был, у святыни со святой водой – в честь святой царицы Елены, положившей начало обители. Так продолжалось до нашествия турок.

Падение Византийской империи коснулось Каппадокии и ее жителей, вместе с которыми пострадали и иноки монастыря Архангелов. Некоторых из них убили, другие подверглись жестокому истязаниям, а сама святая обитель была разграблена. Ее не стерли с лица земли, не превратили и в караван-сарай – турки с должным уважением относились ко всему, что носило имя и память святой царицы Елены. В 1821 г., когда восстали греки, возобновились гонения турок на христиан. По жестокости своей эти гонения напоминали времена императора Диоклетиана, и все же одно греческое семейство спаслось только потому, что обреченный на смерть ребенок позвал на помощь свою няню по имени Елена.

Иноки монастыря Архангелов претерпели много бед: от меча, голода, землетрясений и по другим причинам. Например, в 1827 г. во время сильного землетрясения в главном храме монастыря обрушился свод, были повреждены один придел и 70 братских келий. Придел

этот был посвящен святым бессребреникам Косме и Дамиану и сюда приходили даже больные турки ради чудесных исцелений, совершавшихся здесь в разное время.

После землетрясения братия начали собирать камни и запасать материалы для восстановления обители. Но работа подвиглась медленно, так как монахи привыкли к иным иноческим подвигам. Рабочих рук не доставало, к тому же для восстановления монастыря нужны были опытные мастера. И тогда отец Анфим, бывший тогда настоятелем, сделал заем у турка-ростовщика. С этого времени, несмотря на вклады благочестивых людей из Кесарии, монастырь впал в долги. К тому же неурожаи нескольких последующих лет лишили обитель средств, на которые она воспитывала детей семи окрестных селений. 60 мальчиков получали в монастыре Архангелов все содержание и одежду, но главное – в них возвращались семена христианских добродетелей и благочестия. И долго не было ни средств, ни даже надежд, чтобы увеличить число воспитанников и поощрить их к наукам.

В 1847 г. Каппадокию посетил известный русский путешественник П. А. Чихачев, который сообщил о бедственном положении иноверцев российскому посольству в Константинополе. А оно, в свою очередь, исходатайствовало у императора Николая I всемогущее дозволение на прибытие в Россию для сбора средств тогдашнего настоятеля обители – архимандрита Порфирия. В Санкт-Петербурге ему была дана от Святейшего синода книга, в которую вносились пожертвования от благочестивых людей.

Архимандрит Порфирий предполагал (в зависимости от собранной суммы) уплатить с процентами лежавший на монастыре долг, устроить училище во имя святого Василия Великого – иерарха Кесарии Каппадокийской и вселенского учителя, в память царицы Елены устроить от соименных им русских серебряную дарохранильницу. К тому же он хотел приобрести 12 икон (на каждый месяц года) с ликами святых греческих и российских, устроить церковную утварь и одежды для священнослужителей.

Благочестивая великая княгиня Елена Павловна, соименная с равноапостольной царицей Еленой, принесла в дар монастырю Архангелов ценную церковную утварь и высоким покровительством своим положила начало возрождению монастыря, посвященного бесплотным силам небесным.

Монастырь Живоносного источника в Балуклии

В окрестностях Константинополя, в 7 км от центра города, находилась небольшая, но прекрасная роща, в которой росли кипарисы и платаны. С древних времен чудесное место это, называемое Балуклией, посвящалось Пресвятой Богородице. Посреди него находился источник, от которого благодатью Божьей совершалось много чудес. Место это располагалось за пределами древней городской стены, которую не раз разрушали, причем русский князь Олег даже повесил на ней свой щит. Но долгое время место это оставалось неухоженным, отчего источник засорился, а потом и само место заглохло от множества кустарников и накопившейся тины, которая препятствовала течению воды.

Однажды проходивший здесь воин Лев Макелл, воевода императора Маркиана, увидел слепого человека, блуждавшего по непроходимым местам и не знавшего куда идти. Он подал слепцу руку и повел его по тропинке, но тот от сильного утомления и дневного зноя очень хотел пить. Они приблизились к густому лесу. Слепец от жажды так ослаб, что не мог даже стоять. Лев посадил его в тень, а сам отправился на поиски воды. Однако он долго не мог найти хоть какого-нибудь источника и, опечаленный, уже решил вернуться к слепому.

Но тут в вышине раздался голос: «Лев, не печалься! Вода, которую ты ищешь, близко. Обернись назад и отыщешь ее». Лев как будто и сам сделался слепым: долго осматривался кругом, но воды не находил. И тут он вновь услышал тихий и приятный голос, не только называющий его по имени, но и предсказывающий царское достоинство: «Император Лев! Войди в эту густую и тенистую рощу – и найдешь воду; почерпни этой воды и утоли жажду слепого. А потом помажь илом его глаза. Кто Я, здесь живущая, ты скоро узнаешь. Устрой Мне на этом месте храм, в нем Я буду внимать молитвам и подавать желаемое всем, с усердием и верой сюда притекающим. Ничто не сильно будет противиться Моей власти: болезнь ли неисцелимая, демонское ли наваждение или что другое – только бы просили Меня благоговейно».

Лев с верой исполнил повеление: он быстро отыскал воду, напоил слепого, илом помазал ему глаза, и тот, слепой от рождения, тотчас прозрел. Случилось это в 450 г., в царствование императора Маркиана, но по пророчеству Пресвятой Богородицы, через короткое время после него в царское достоинство был возведен Лев Макелл. Он сразу же повелел очистить чудотворный источник, после чего воздвиг над ним великолепный храм в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник». Вскоре его окружила небольшая обитель.

Храм, сооруженный вдоль родника, имел вид продолговатого четырехугольника. Восточный и западный портики его высоко поднимались, а два других примыкали к соседним стенам. Над зданием возвышался купол – прекрасный, как небо, и блиставший подобно огню.

Внешнему изяществу строения соответствовало и его внутреннее убранство: свод храма был украшен золотом, а стены выложены мозаикой, так что свет, входя окнами и отражаемый сводами и стенами, освещал весь храм, подобно молнии. Внутри купола были изображены чудеса Иисуса Христа и Его Пречистой Матери, а на самой середине – живоносный источник и Пресвятая Дева Мария с Предвечным младенцем на руках, так что вода истекала как бы из лона их и казалось, будто сверху проливается тихий и бесшумный дождь. Лик Царицы Небесной, обращенный к воде, отражался в источнике как в зеркале. И Богоматерь взирала на воду – дело Свое, придавая ей целительную силу.

Сам живоносный источник находился почти в центре храма. К нему вели 25 ступеней, а мраморная решетка, служившая украшением, еще и охраняла от падения людей, сходящих вниз по скользкому пути. В верхней части источника в мраморе было сделано круглое углубление, в которое и втекала вода, вливавшаяся потом в мраморный бассейн. Посреди

храма стояла круглая каменная чаша, а у алтаря находилось другое вместилище, узкое и продолговатое, откуда люди и черпали животворящую воду. В храме паломники могли поклониться замечательной иконе Пресвятой Богородицы, скопированной с иконы, писанной святым апостолом и евангелистом Лукой.

Храм в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник» хранит много преданий о чудесных исцелениях. Например, царица Зоя, много лет не имевшая детей, по обету ходила к живоносному источнику и усердно молилась Царице Небесной, а возвратившись, скоро зачала и родила сына – будущего императора Константина Багрянородного. Несколько лет был болен водянкой император Юстиниан, но лишь только с верою помолился он у святого источника, как тотчас исцелился. Позже он восстановил храм в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник», разрушенный землетрясением, и великолепно украсил его, а после следующего землетрясения храм был восстановлен императором Василием Македонянином и сыном его Львом Мудрым.

Число совершавшихся здесь чудодействий было так великого, что еще в древние времена православная церковь установила в пятницу Светлой седмицы совершать празднование в честь Божьей Матери в воспоминание великих и чудесных исцелений у Ее источника. Чудотворная сила источника не только исцеляла больных, но и мертвых воскрешала. Так, например, однажды из Фессалии ехал к святому источнику по морю один паломник. В пути он умер, однако перед смертью успел попросить корабельщиков перенести его в храм в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник» и там вылить на него три ушата целебной воды. Как только это было исполнено, мертвый ожил.

А однажды во время очередного землетрясения людям, находившимся в храме, грозила смерть. И тогда Пречистая Дева явилась на воздухе и поддерживала храм до тех пор, пока все не вышли из него.

Храм этот, неоднократно обновлявшийся и украшавшийся греческими царями и царицами, стоял много веков, но за измену благочестивой жизни Константинополь лишился заступничества и покровительства Пресвятой Богородицы и в 1453 г. был завоеван турками. В живоносном источнике плавают рыбки, о которых предание рассказывает следующее:

«В середине XV в., когда после долгой борьбы и осады Константинополь был уже взят турками, об этом сообщили одному старцу, подвизавшемуся в монастыре близ Балуклийского источника. „Тогда поверю, – ответил он, – что Константинополь пал, когда вот эти рыбки, уже поджаренные на сковороде моей, снова оживут и вновь опустятся в живоносный источник”. И действительно, невидимой силой рыбки ожили и унеслись в живительный ключ. Они и поныне плавают в нем, не вырастая: один бок у них поджаренный, а другой – настоящий, чистый».

Как и Влахернская церковь, храм «Живоносный источник» был разрушен до основания, а цветущая местность вокруг него со временем превратилась в мусульманское кладбище. Монастырь долго не возобновлялся, и святое место это оставалось в запустении: источник животворящей воды почти заглох под грудой камней, но чудесные исцеления от него продолжали совершаться.

Впоследствии, при особенном покровительстве России, слава живоносного источника была восстановлена. В 1830 г. патриарх Иерусалимский с разрешения султана Махмуда II восстановил из развалин каменную церковь «Живоносный источник» в честь иконы Божьей Матери, и хоть она была небольшой, но сделали ее с благолепием, приличествующим этому святому месту. И вновь заструились чудотворные воды источника, чудодейственная сила которого, дарованная свыше, привлекает в эти места не одних только христиан.

Туецкий султан сам не раз приходил в церковь в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник» и даже присутствовал на патриаршей службе, которая ему очень нравилась. Он и еще хотел побывать на ней, но между его подданными стал раздаваться ропот, что

их повелитель изменил вере мусульманской. Однако в монастырской церкви «Живоносного источника» сохранился памятник посещения ее султаном – это икона с образом праведного Захарии. Как-то обзревая храм, на восстановление которого он выделил значительные средства, султан увидел икону с образом Иоанна Крестителя. «Где же отец его? – спросил повелитель. – Если сына так почитают, то отец должен быть участником славы его». По повелению султана тогда же вне иконостаса была поставлена икона с образом святого Захарии.

Лавра Саввы Освященного в Палестине

Эта обитель еще издали заметна двумя массивными башнями; соединенные высокой стеной, они кажутся висящими над бездной.

Проехав по крутому контрфорсу, странник достигал небольшой железной дверцы, устроенной за угловой башней в западной стене монастыря. Только через эту дверь и можно войти в лавру Саввы Освященного.

Монастырь расположен на обрывах правого берега нижнего русла Кедронского потока, в 10 верстах отсюда впадающего в Мертвое море.

Дикое, иссохшее ложе его, глубоко провалившееся в вулканической трещине между беспорядочно нагроможденными голыми скалами, страшит своей безжизненностью. Палящие лучи палестинского солнца прокалили горы и иссушили почву, так что здесь царят только утесы и могильное безмолвие. Поэтому у паломников и отцов церкви это место получило название «огненной реки» и «юдоли плача». Это даже не уединенный уголок, а место, пригодное лишь для полного отречения от внешнего мира. В свою очередь монастырь – это каменная крепость, огражденная даже от скал и утесов мрачными стенами и башнями с редкими отверстиями вместо окон.

На пути к монастырю находится небольшая долина, которую называют монашеским базаром. В прежние времена отшельники продавали здесь свои изделия, покупая на вырученные деньги хлеб и другие товары. Примерно за полчаса до подхода к лавре дорога поднимается на дикие утесы и дальше идет по самому их краю. О приближении к монастырю паломников извещал колокольный звон с монастырской башни. И вскоре взору богомольцев представала наполовину высеченная в скалах, наполовину устроенная в пещерах обитель Саввы Освященного. Кроме скудного монастырского огородика и диких трав, растущих у струящегося в ложбине ущелья ручейка, нигде больше не встретишь даже признака растительности. Повсюду скалы и камни, а меж них ящерицы и скорпионы.

Первыми избрали эту пустыню местом отшельнических подвигов св. Евфимий (V в.) и ученик его Савва, который родился в Каппадокии около 439 г. Он рано проникся христианским благочестием и уже восьмилетним отроком посвятил себя иноческой жизни. Святостью жизни он привлек множество отшельников, которые приняли от него строгий иноческий устав св. Василия. В 484 г. они избрали его аввою (архимандритом) палестинских пустынников (или «пещерножителей»); св. Савва взял на себя еще и подвиг борьбы с ересью монофизитов, создав в лице иноков Святой земли православное воинство. Собственно, Савве и принадлежит сооружение этой лавры пустынножительской (502 г.), получившей по его имени и название свое.

Первоначально обитель состояла всего из нескольких келий и пещерной церкви. Но по ходатайству св. Саввы, ездившего в Константинополь, император Юстиниан оградил монастырь стенами и башней и одарил его многими приношениями. Потом около него начали селиться другие отшельники, искавшие спасения. Но вскоре им не стало хватать воды, и св. Савва начал усердно молиться Богу: «Господи Боже, если тебе угодно, чтобы место сие населилось во славу имени твоего, то благоволи даровать нам небольшое количество воды». Когда он так молился в тесной своей келье, то внизу, в долине, послышался стук. Посмотрев вниз, преподобный Савва увидел при свете луны онагра, который копытом копал землю, и когда уже довольно выкопал, то опустил в яму свою голову и стал пить. Святой тотчас пришел на это место, тоже немного покопал, и вскоре ему открылся источник чистой воды, что

было неисповедимым благодеянием в этой безводной местности. С тех пор вода доставляла великое утешение братии, и хотя все черпали помногу, меньше ее не становилось⁵.

В другую ночь вышел св. Савва из своей пещеры и, читая псалмы Давида, один пошел в долину. И вдруг над западным утесом, посреди соборной и пещерной церкви, увидел столп огненный, вершиной своей касающийся неба. Утром Савва пришел на это место и нашел большую и чудную пещеру, как будто самим промыслом Божиим уготованную для церкви. В восточной стороне ее находилось отделение со сводом, а в северной преподобный Савва обнаружил большую палату – наподобие той, в которой хранится церковная утварь; с южной стороны находился широкий вход. Святой, украсив пещеру, устроил в ней церковь в честь Благовещения и постановил собираться в ней в субботние и воскресные дни для богослужений.

Отовсюду стекавшиеся отшельники вскоре заселили не только монастырь, но и пещеры в соседних скалах. Когда число братий достигло 150 человек и около долины были возведены всякие хозяйственные постройки, завели в обители рабочий скот. Преподобный Савва сам заботился, чтобы инокам не было нужды посещать мир, который они покинули. А так как слава о богоугодной жизни св. Саввы разнеслась повсюду, то многие приходили и приносили все нужное. Во времена своего расцвета Лавра насчитывала до 5000 иноков.

Обитель эта была знаменита и прославлена святостью ее основателя и многих учеников его. Но некоторые иноки стали завидовать преподобному Савве. И тогда кроткий в обращении с людьми Савва удалился в Скифопольские страны, где и поселился в пустыне около реки Гадаринской. Сохранился и вертеп, в котором пребывал св. Савва до основания обители. В эту пещеру приходил на отдых лев.

«Увидев спящего человека, – говорится в житии св. Саввы, – лев взялся зубами за его одежду и вытащил Савву наружу. Проснувшись, тот стал петь псалмы, а лев сидел и ждал, пока Савва не кончил своего правила. Савва снова вошел в пещеру, и лев опять потащил его наружу. Тогда Савва смело сказал ему: „Пещера широка, она свободно может вместить нас обоих, ибо Творец у нас один. Если хочешь – оставайся здесь; если не хочешь – иди в другое место, ибо я создан рукой Божьей и почтен образом Божиим”. И лев, словно устыдившись, удалился прочь, оставив свое жилище святому».

В короткое время преподобный Савва прославился и здесь, и начали к нему приходиться люди. Но они беспокоили угодника Божья. Он тайно удалился из этих мест и устроил еще несколько киновий. А дерзкие монахи, воспользовавшись его длительным отсутствием, распространили слух, что в пустыне святого отшельника растерзали дикие звери. И пришли они в Иерусалим к патриарху, и стали просить себе игумена, но святой патриарх Илия не поверил им. А когда наступил праздник обновления храма Воскресения, то пришел в Иерусалим и Савва. Патриарх очень обрадовался, увидев его, и стал уговаривать вернуться в лавру. А монахам написал такое письмо:

«Извещаю вас, возлюбленные братья, что отец ваш не съеден львами, а жив, ибо он пришел ко мне на праздник. Удержавши его у себя, я убедил его не оставлять своей лавры, которую он по промыслу Божьему основал своими трудами. Итак, примите его с должной честью и повинуйтесь ему совершенно, ибо не вы его избрали, а он избрал вас, почему вам и должно покоряться ему. Если же есть из вас некоторые упрямые, высокомерные, непослушные и не желающие быть смиренными, то таковые не должны оставаться в лавре, ибо неприлично Савве оставлять свое место».

Когда это письмо прочитали в церкви, то дерзкие монахи в ослеплении злобы своей ополчились на своего настоятеля. Взяв шесты, багры, мотыги и секиры, они пришли к башне преподобного Саввы и в великом бешенстве разрушили ее до основания. А потом собрали

⁵ Источник этот не оскудевает до сих пор.

свои вещи и ушли из лавры. Остановившись у Фекуйского потока, они устроили себе здесь кельи и назвали свою обитель Новой лаврой.

Лавра же Саввы Освященного была замечательна не только своей историей, но и строгостью иноческого устава. Например, женщины не имели права входить в нее; даже для своей матери св. Савва не сделал исключения, и она подвизалась в отдельной келье – вне монастыря. Как орлиное гнездо, виднеется на высокой скале келья преподобной Софии – матери великого подвижника.

Устав в лавре Саввы Освященного исполнялся строго: скудость пустынной жизни и связанные с ней неизбежные лишения служили назидательным примером для всех посетителей. По свидетельству отшельников, самым трудным для них подвигом было переносить жару, когда температура в летние месяцы достигала + 40 °С и более.

Скончался преподобный Савва Освященный в 532 г. – на 94-м году жизни. Когда слух о кончине святого старца разнесся по окрестностям, в лавре собралось много иноков и мирян. Прибыл и святой патриарх Петр с епископами и со знатными мужами Иерусалима. Честные мощи святого угодника Божьего были положены в Великой лавре – на том месте, где он видел огненный столп.

После смерти Саввы Освященного обитель претерпела много бед. В 614 г. на монастырь напали войска персидского царя-огнепоклонника Хозроя, которые в надежде найти сокровища долго мучили и избивали пещерножителей. Ограбив церкви, они убили 44 иноков: отсекали им головы на одном из камней. Святые главы их в настоящее время почивают в пещерной церкви во имя святителя Николая.

После персидского нашествия рассеявшиеся иноки постепенно стали возвращаться в обитель, но и в последующие века лавра не раз подвергалась нападениям арабов и бедуинов. Пострадала обитель Саввы Освященного и от крестоносцев, которые поступили в отношении нее святотатственно. Хитростью или силой – неизвестно, но они увезли с собой в Венецию мощи великого угодника Божьего. Русский паломник игумен Даниил был едва ли не последним, кто поклонился мощам преподобного Саввы Освященного. Ныне кроме черепов иноков, убитых персами и сарацинами, в лавре покоятся только главы св. Ксенофонта и его сыновей – Аркадия и Иоанна.

После изгнания крестоносцев из Палестины арабы снова разгромили лавру Саввы Освященного, и почти 300 лет о монастыре не было никаких известий. Постепенно иноки вновь населили обитель. В начале XVII в. хозяевами лавры стали сербы; они обновили монастырь, но вскоре им пришлось покинуть его из-за неоплатных долгов. Претендентами на обитель стали богатые армяне, правда, они чуть было не уступили ее латинянам. Только патриарху Феофану удалось личным и решительным ходатайством у молдавского господаря Василия получить деньги и выкупить лавру для православных.

В 1667 г. патриарх Нектарий восстанавливает лавру после долгих лет ее упадка и разорения. Были построены внешняя стена (от Юстиниановой башни вниз до ворот) и странноприимный дом. Примерно через 20 лет патриарх Досифей завершил восстановление обители. При нем были подняты упавшие стены монастыря; он собрал две библиотеки древних рукописей, возобновил соборный храм и обновил малые придельные храмы (во имя святителя Николая, сорока мучеников, священномученика Георгия, св. Иоанна Крестителя, святителя Иоанна Златоуста). Внутри монастыря находится прекрасная башня Иоанна Дамаскина, в которой устроены его домовая церковь и гробница над бывшей кельей, где когда-то слагались боговдохновенные гимны и песнопения.

Русские паломники очень любили обитель Саввы Освященного, в ней и сейчас подвизаются несколько русских иноков. А было время, когда большинство отшельников монастыря состояло из русских! Еще в начале XX в. в монастыре многое напоминало о России: например, вся живопись соборного храма была выполнена русскими художниками.

Собор монастыря отличается благолепием, иконостас его выполнен очень искусно, храмовая икона «Успение преподобного Саввы» украшена богатой ризой. Перед иконой горит неугасимая лампада; на царских вратах вместо евангелистов изображены четыре великих отшельника – преподобные Харитон, Евфимий, Савва и Иоанн Молчальник. На площадке перед соборной церковью устроена небольшая кувуклия, в которой находится гроб основателя обители – преподобного Саввы.

Обитель Саввы Освященного не могла принять большого числа паломников, но радушие и гостеприимство иноков этого монастыря известны всем. Внутри монастыря было поставлено несколько цистерн для сбора дождевой воды. На территории обители до сих пор растет вековое финиковое дерево, посаженное св. Саввой. Плодами с него иноки благословляют паломников.

На расстоянии двух часов ходьбы от лавры находится Костеллийская гора, которая, как гласит предание, была неприступна и непроходима из-за множества бесов, соблазнявших разными мечтаниями всех проходивших мимо. Но св. Савва, укрепляемый благодатью Божьей, окропил место это елеем от честного креста Господня и оставался здесь в течение всего Великого поста, непрерывно славя Бога. И когда место это очистилось от злых бесов, он основал на горе, стоящей отдельно от других скал, обитель. На склоне ее располагалось братское кладбище, на котором открыто покоятся мощи преподобных подвижников, но никто не дерзает брать их: наказание Божье настигает всех нечестивых расхитителей святых, и тому много примеров.

На обратном пути из лавры Саввы Освященного паломники посещают развалины монастыря Преподобного Феодосия. На этом месте когда-то ночевали волхвы, возвращавшиеся на родину после поклонения Богомладенцу Иисусу Христу. Пещера, в которой они ночевали, находится под развалинами монастыря.

Студийская обитель

В середине III в., когда на берегах Нила родился первый и самый знаменитый распространитель пустынножизни Антоний Великий, в древней Византии на крутом холме Петрион уже воздвигался монастырь. Епископ Костин основал его около 240 г. и посвятил св. Евфимии – «великой и знаменитой мученице» Халкидона, которую почитали все византийцы.

В III в. Константинополь еще не был городом того религиозного значения, каким он стал во времена царствования императора Константина Великого, когда монашеская жизнь в нем получила широкое развитие. Но золотым временем для основания обителей было царствование императора Юстиниана (527–563). Он был неутомимым строителем и не переставал во все годы своего царствования воздвигать храмы и другие сооружения. Пожалуй, все императоры вместе не возвели столько зданий, сколько он. Юстиниан не только воздвигал церкви и монастыри во всех концах своей империи, но и дал правила для их устройства. И подданных своих поощрял к возведению культовых сооружений. Тех из них, кто не был богат, но хотел оставить по себе память, император приглашал восстановить или украсить религиозные памятники, уже существовавшие. И говорил, что те, кто способствовал их восстановлению и возобновлению, могут называться основателями их.

Среди обителей были такие, которые находились в непосредственной зависимости от императоров и под их прямым покровительством. Это были императорские монастыри; свободные от ведения Константинопольского патриарха, они не облагались никакими налогами и имели в неотъемлемой собственности все дарованные им владения. К числу таких монастырей относилась и знаменитая Студийская обитель.

Основателем ее был богатый римский патриций Студий, который около V в. переселился из Рима в Константинополь. Поступив на службу при императорском дворе, он уже в 454 г. (при императоре Маркиане) был консулом на Востоке, а в Византии приобрел известность своей благотворительностью. Студий построил странноприимный дом и богадельню и дал на содержание их весьма значительные средства.

Предстательством архистратига Михаила он исцелился от сухотки у источника Гермия и воздвиг здесь храм, а при нем тоже устроил странноприимный дом и богадельню. Но более всего Студий прославил свое имя возведением в Константинополе, недалеко от моря – почти на полпути между древними Золотыми воротами и новыми, – великолепный храм во имя Иоанна Предтечи и основал при нем в 462 г. (или в 463 г.) обитель⁶.

После Василия Великого смягчение наказаний за проступки монахов в значительной степени способствовало ослаблению строгости монашеской жизни в Константинополе. Так, в конце VI в. Константинопольский патриарх Иоанн Постник составил правила, отличавшиеся необыкновенной снисходительностью к согрешившим. Поэтому уже в начале IX в. патриарх Онисифор, а потом и патриарх Николай Грамматик со стыдом признавали факты падения монахов. Святой Онисифор старался противодействовать общему ослаблению монашеских правил и в этом добродетельном деле нашел себе помощника в лице Феодора Студита – самого знаменитого из константинопольских игуменов. Многие другие отцы церкви ставили в великую заслугу Феодору Студиту восстановление им древних отеческих уставов и вообще очищение всех трех видов монашеского жития – анахоретского, скитского и киновийного – от всяких примесей мирской жизни. Поэтому устав монашеской жизни,

⁶ Устроив монастырь, Студий не дал ему какого-либо особенного устава. Да и обитель эта, основанная ктитормом из мирян, сначала не имела авторитета среди монашествующих. Поэтому она должна была примкнуть к тем учреждениям, которые получили известность на этом поприще и были испытаны на практике.

введенный Феодором Студитом, был более развит и распространен, чем другие, – и не только в Константинополе, но и на всем христианском Востоке.

Состояние византийского монашества в конце VIII в. было крайне неудовлетворительным. Императоры-иконоборцы, особенно Константин V, с особым фанатизмом преследовали монахов как главных зачинщиков почитания святых икон, и не останавливались ни перед какими репрессиями. Без всякого сожаления они разрушали монастыри, конфисковывали их имущество, уничтожали библиотеки и памятники искусства. Некоторые монастыри были превращены в казармы для солдат, другие стояли пустыми, так как иноки бежали из Византии. Только с восшествием на престол благочестивой императрицы Ирины началось восстановление святых обителей. Уцелевшие быстро наполнялись монахами, с неменьшим усердием строились и новые обители. Однако гораздо труднее было устранить те ненормальности, которые вкрались во внутреннюю жизнь монастырей во времена иконоборства. О неприглядных сторонах монашеской жизни того времени есть свидетельства VII Вселенского собора, который в своих постановлениях, в частности, отмечал: «Гнусность сребролюбия такую возымела силу над настоятелями церковей, что некоторые даже из так называемых благоговейных мужей и жен, забыв заповеди Господни, впали в заблуждение и посвящающих себя священному званию и монашеской жизни принимают за золото». Да и сами иноки в конце VIII в. были много заняты изысканием средств для своего обогащения в ущерб идеалу внутренней монашеской жизни. Феодор указывал на случаи, как многие состоятельные люди его времени, желая удовлетворить свои религиозные чувства и вместе с тем сохранить материальные блага и богатства, устраивали монастыри в своих владениях и приглашали туда руководителя. «Такие не знают, – писал Феодор Студит, – что трудятся тщетно и напрасно... Такое отречение несогласно с заповедью Господа».

Не только иноки, но и многие игумены нисколько не заботились о соблюдении древних уставов и устраивали жизнь по собственному усмотрению. «Иноки обращали взоры туда и сюда, каков этот монастырь, каков другой монастырь», поэтому часто переходили из одной обители в другую, игумены принимали их в свой монастырь за деньги и позволяли заниматься житейскими делами и даже заводить собственное хозяйство.

Эти и другие обстоятельства свидетельствуют, что идея киновийной жизни в ее чистом виде была забыта современниками Феодора Студита, и они представляли ее как общину с целями более хозяйственными, чем религиозно-нравственными. Устранить все недостатки внутренней жизни иноков и преобразовать монастыри в настоящие киновии он и поставил своей задачей в Студийской обители.

«Мы избрали для себя не воинское звание, не гражданский чин, не военачальническое достоинство и даже не столь завидное для ромеев царское владычество. Мы избрали гораздо большее и беспредельно высшее всего этого – служение небесное и, выражаясь точнее, истинное и непреходящее, заключающееся не в словах, а в самом деле... Не допустим себя уклониться от цели нашей, но, слыша Господа, говорящего: “Царствие Божие внутри вас есть”, всеусердно всякий день будем помогать стяжать его, не злато и серебро сокровиществуя, но веру правую и жизнь непорочную».

Но если религиозно-нравственные задачи у иноков и у мирян-христиан одинаковые – спасение души и преуспевание в добродетелях, то средства для достижения их различны, поэтому иночество и выделяется в особый церковный институт. «Мы представляем нечто отличное от мирских людей; мы облечены иной одеждой и ведем иной образ жизни». Постриг монашеский Феодор Студит признавал церковным таинством, в котором постригаемый получает особую благодать Божью, которая возрождает его к новой, равноевангельской жизни, как благодать крещения возрождает верующих к Христовой жизни. Поэтому снятие монашеской схимы Феодор Студит считал очень тяжелым грехом. Своему падшему ученику Евпрегиану он писал: «В одном месте божественный Василий говорит (падшему):

“Ты и сенаторство потерял, и монахом не стал”. И это он говорит потому, что тот ненадлежащую жизнь вел и держал при себе нечто из своего имущества. Ты же, прости, монаха не потерял, но отверг. Каким именем назвать нам тебя? Монахом?.. Лучше было бы тебе быть в общении с ересью и затем принести покаяние, чем, сбросивши святую одежду, пребывать без покаяния: ибо, отвергну схи́му, ты Сына Божьего попрал ногами, Кровь Завета осквернил, благодать Духа оскорбил. Слагать монашество – то же, что слагать крещение, поэтому ты недостойн участвовать в богослужении».

Феодор Студит считал, что для выполнения трудных обетов монашества (особенно обета послушания) киновия представляла лучшие условия, так как «сам Христос показывает это чрез совместную жизнь 12 учеников Его, затем и самовидцы и учителя слова – через такое же житие 4000 и 5000, не говоря уже о последующих (отцах и учителях)... Киновия – это единственное тело, сгармонизированное и направленное к единодействию и единослужению, так что оно, будучи многодушно, многосердечно и многоумно, пребывает единомышленным и единосердечным не для чего-либо худого, а для совместного богоугождения и работания во славу Пресвятой Троицы при постоянной взаимной поддержке в подвигах аскетических».

Преподобный Феодор перешел из Саккудийского монастыря в Студийскую обитель со своими иноками в тот период, когда она после запустения при императорах-иконоборцах еще не успела восстановить свою прежнюю деятельность. Новому игумену сразу же пришлось вводить в монастыре свои порядки и свой устав, надеясь сделать обитель образцом не только для своего времени, но и для будущих поколений. У преподобного Феодора Студита было уже около 1000 учеников, поэтому ему трудно знать каждого в лицо и руководить, а также следить за разговорами и образом мыслей каждого. Он избрал из братьев самых видных и известных своей жизнью, поставил их надзирателями над остальными, чтобы они доводили до сведения общего наставника обо всем, что происходило, чтобы ничто не могло укрыться от их глаз и наблюдательности. Он назвал их особыми именами: епистимонархами, таксиархами, надзирателями и будильщиками. Тех, кто более успевал и вел высший образ жизни, он удостоивал высшей должности: помощника настоятеля, эконома, подэконома. Каждый имел свое особое имя по смыслу служения.

Биограф сравнивает Феодора Студита с Моисеем, который для управления иудейским народом тоже установил различные должности. Но тут же автор указывает, что Моисей это сделал по совету других, а Феодор Студит в устройении монастырской жизни действовал самостоятельно. Его устав в основе своей хотя и был заимствован из аскетических наставлений Василия Великого, но был приспособлен к нуждам обители настолько, что может считаться его собственным творением.

Свои правила Феодор Студит вводил постепенно, в соответствии с естественным течением монастырской жизни, и в поучениях всегда разъяснял инокам смысл и значение этих правил. Первым лицом в киновии был игумен, избираемый братией по жребию из своей же среды. Игумен руководил всей монастырской жизнью – внутренней, религиозно-нравственной, хозяйственной и пр. Он, как пастырь, должен был охранять иноков от волков и других хищных зверей, от воров и разбойников. Он должен был подавать братии высокий пример для подражания и сам быть самым строгим исполнителем устава, ни в чем не преступать законов и установленных правил.

Устав Феодора Студита предусматривал особенно строгие наказания тем, кто занимал в монастыре какую-нибудь должность (библиотекаря, каллиграфа, садовника, привратника, казначея и др.). Это были те, кто составлял иерархию монастыря и должен был каждый способствовать сохранению порядка и правильности монашеской жизни. Так, пост и отлучение от общины (редкие у св. Василия Великого) в Студийском монастыре употреблялись очень часто. Игумен монастыря осуждал на пост не только монаха, небрежного в молитве или

отсутствовавшего в трапезной, но и того, кто пропускал службы или мешал их ходу; кто не слушал наставлений игумена, кто вел светские разговоры и т. д. – т. е. того, кто грешил против послушания. За мелкие нарушения полагалось отлучение от общины до 15 дней, причем порой к такому наказанию добавлялись пост и молитвенные поклоны. Например, если инок владел чем-либо личным, он отлучался от общины на 15 дней, осуждался на хлеб и воду и еще на 50 поклонов; кто выходил из монастыря без разрешения игумена – на восемь дней и каждый день должен был класть по 40 поклонов. Наиболее продолжительное отлучение от общины (по уставу Феодора Студита) полагалось за неумеренность и невоздержание – до 12 лет.

Наказание поклонами употреблялось в Студийском монастыре чаще, чем у Василия Великого: за выход со службы более одного раза, за сидение на литургии, за неявку на службу после троекратного призыва, за разговоры после вечерни, за крик и т. д.

Поклоны часто прибавлялись к другим наказаниям, например: кто ел вне трапезной, должен был три дня сидеть на хлебе и воде и класть по 200 поклонов; грешивший против целомудрия осуждался на хлеб и воду и каждый день и каждую ночь должен был класть по 300 поклонов, пока не проходило искушение. Самая главная разница между двумя уставами заключалась в следующем: в «Правилах монашеской жизни» св. Василия Великого игумену давался широкий простор для определения наказания, а устав Феодора Студита точно определял наказание каждому греху – заранее установленное и всем известное. По уставу Феодора Студита наказывает не игумен, а правило, повиноваться которому монах обещался до конца дней своих.

Но при всей строгости наказаний устав Феодора Студита заботился и о человеческом достоинстве монаха. Отлучение от общины, считавшее виновного недостойным даже находиться вместе с другими и производившее особенно гнетущее впечатление на души чувствительные, во времена Феодора Студита сделалось очень редким. Чаще стали употребляться такие наказания, как пост и молитвенные поклоны, которые совершенно соответствуют монашеским обетам воздержания и беспрестанной молитвы. Недаром устав Феодора Студита впоследствии был принят иноками Святой горы Афон, которые смотрели на него как на одного из своих отцов.

Обитель Бенедикта Нурсийского

Св. Бенедикт родился в 480 г. в итальянской области Нурсия, отчего его и стали называть Нурсийским. В тот период блистательная прежде Италия изнемогала от междоусобной борьбы, теряла былую власть и силу, и провинции ее одна за другой отторгались врагами. Торжествующие варвары вторгались в Рим, безнаказанно грабя и опустошая его. Поэтому Бенедикта Нурсийского ничто не привлекало в Вечном городе, куда его отправили учиться родители, желавшие дать сыну хорошее образование. Он изучал грамматику, риторику и право, однако довольно скоро почувствовал отвращение ко всему, что видел и слышал в школе.

В то время как его товарищи искали утешение в пирах, 14-летний Бенедикт тайком покинул дом, в котором жил, и ушел из Рима, а потом и совсем решил порвать с миром. Он углубился в дикие ущелья с отвесными скалами – туда, где река Арно впадает в Тибр. Здесь Бенедикт выбрал для себя пещеру, почти недоступную для людей. Хлеб ему доставляли монахи близлежащего монастыря, спуская его на веревке с привязанным к ней колокольчиком, чтобы звоном его извещать святого о своем прибытии.

Но и в полном уединении, вдали от людской жизни, св. Бенедикт испытывал тяжкие душевные муки. Его терзали воспоминания о прежней жизни, которые порой были такими сильными и яркими, что перед ним как наяву вставали человеческие образы. Ему казалось, что в пещере его толпятся люди, и среди них был образ дивной красоты, который манил его в Рим – к жизни, к людям. Святой отшельник пытался отогнать прекрасные видения, умертвить свои плотские чувства, даже бросался на терновник, чтобы причинить себе боль. Когда проходили часы и дни тяжелой нравственной борьбы, св. Бенедикт с еще большим рвением отдавался молитвам, размышлениям и созерцанию дивной красоты, окружавшей его.

Не только видения терзали св. Бенедикта Нурсийского. Некоторые из священников, завидуя славе, распространившейся о нем по округе, пытались отравить его, но злые и преступные намерения их не сбылись. И однажды св. Бенедикт решил навсегда уйти из своего убежища. В сопровождении самых верных учеников своих он отправился к морю, а сопровождали его, как гласит легенда, три прирученных им ворона.

В дороге в образе прекрасных юношей явились ему два ангела и указали направление, по которому путники и шли несколько дней. А потом остановились у подножия горы Монте-Кассино, где в то время еще лежали руины города, который некогда имел свой сенат, сановников и жрецов, но в середине V в. был разорен и разрушен племенами германцев. Несмотря на 500 лет существования христианства, местные жители еще крепко держались языческой веры, и на вершине горы, господствовавшей над когда-то цветущим городом, возвышался храм Аполлона, утопающий в таинственных лесах богини Венеры.

Вот это место и выбрал св. Бенедикт для своего пребывания, хотя может показаться странным, что он поселился именно среди язычников. Но св. Бенедикт даже рад был устроиться тут, так как перед ним разворачивалось обширное поле деятельности для обращения идолопоклонников в истинную веру. Вместе с учениками своими он сначала стал просвещать местное население, потом разбил их идола, разрушил его алтарь, а самый храм превратил в капеллу. Однако на этом св. Бенедикт не остановился, а приступил к сооружению просторного жилища для монахов.

Дело это для иноков было непривычным и тяжелым, и поначалу не все у них ладилось. Все неудачи в строительстве предание приписывает действию сатаны, который никак не хотел смириться с торжеством веры Христовой в тех местах, где так долго жило языческое заблуждение. Он наводил на иноков лень, осушал источники с водой, разрушал ночью

то, что было построено за день. Иногда он садился, невидимый для всех, на камни, и они становились такими тяжелыми, что никакими усилиями их нельзя было сдвинуть с места. И когда св. Бенедикт осенял их крестным знаменем, дьявол стремительно уносился прочь, а братия могла приступить к работе.

Несмотря на многие препятствия, вскоре на развалинах старого замка Монте-Кассино был основан монастырь и создан новый монашеский орден, который со временем стал главной опорой папского Рима. После этого св. Бенедикт принялся за составление своего правила монашеской жизни, задумав провести реформу, так как хорошо знал об упадке нравов в среде современного ему монашества.

У древних аскетов – греческих, египетских и ливийских пустынножителей – он взял главное: понимание того, что монашество – это не бегство от житейских бурь, не просто уход из мира, но одновременно и вызов миру, и вечное пребывание на духовном посту – на Христовой страже. Составленный впоследствии Бенедиктом Нурсийским устав так и назывался: «Закон, повинувшись которому ты намереваешься воинствовать».

Более удобной формой жизни, доступной большинству монахов и менее опасной для спасающихся, Бенедикт Нурсийский считал не отшельничество и затворничество, а монашеское общежитие. Инокам основанного монастыря он заповедал в первую очередь не лишение и умерщвление плоти, а порядок и умеренность; при этом необходимым условием такого общежития святой Бенедикт считал труд.

Благодаря его неустанным заботам пустынная окрестность со временем превратилась в цветущий край, так как монахи с усердием занимались земледелием и садоводством. Гора заселялась с поразительной быстротой, потому что отовсюду приходили люди, прослышав о благочестивой жизни св. Бенедикта и желая поселиться в основанном им монастыре.

В новой обители все обязаны были трудиться, но св. Бенедикт был врагом всяких излишеств. Как-то ему сказали, что на одной из ближайших гор спасается пустынный, который, не довольствуясь строгим образом жизни и изнурением плоти, приковал себя цепью к горе. Св. Бенедикт просил передать ему: «Если ты раб Божий, сдерживай себя не железной цепью, а Христовой» (т. е. строгим исполнением заповедей Божьих).

Благодаря трудолюбию иноков, а также многочисленным пожертвованиям монастырь Монте-Кассино стал постепенно богатеть: житницы его наполнились хлебами, и в неурожайные годы все нуждавшиеся получали зерно из монастыря. Такая забота вызывала горячие симпатии местного населения к аббату и к самой обители. К тому же, когда властвовавшие в Италии готы обижали кого-нибудь, св. Бенедикт заступался за обиженных.

Но не одни только тяжкие труды и суровые испытания посылали св. Бенедикту жизнь. Широкое распространение написанного им правила монашеской жизни доставляло ему целительное утешение. До появления этого устава западные монахи следовали различным уставам, занесенным с Востока (например, Василия Великого), или же руководствовались обычаями, заимствованными у монахов Египта и Сирии. В то время в западноевропейских обителях существовала полная свобода избирать себе тот или иной образ жизни. Так, некоторые монахи жили общиной под управлением настоятеля; в другом месте встречались общины без настоятелей; иногда собирались в одно место два-три монаха, не подчинявшиеся ни настоятелю, ни правилам. Существовали и монахи-скитальцы, которые постоянно переходили с места на место, отличаясь крайне беспорядочной жизнью. Под влиянием Востока появились в Западной Европе и отшельники (или пустынножители), доходившие до самоистязаний.

Объединить монашествующих, собрать их под сенью одного общеобязательного правила, внести в их среду общий для всех порядок – вот та цель, которую ставил перед собой

св. Бенедикт Нурсийский, приступая к составлению своего «Закона»⁷. Главными положениями правила св. Бенедикта, состоящего из введения и 73 глав, являются послушание и труд. Введение является своеобразным приглашением в монашескую жизнь, которая рассматривается как непрерывный путь от момента крещения. Это путь возвращения к Богу через послушание в воспитательном учреждении, каким является монастырь, и под руководством наставника-аббата. Такая жизнь готовит человека к встрече с Богом, но предваряется земным существованием, исполненным любви. Благодаря любви и соблюдению аскетических норм монах учится даже в мучительных ситуациях добровольному и свободному послушанию воле Божьей.

Монах должен отказаться от собственной воли и повиноваться не только начальникам, но и желаниям и просьбам своих товарищей. Необходимым спутником послушания является смирение: «Наша земная жизнь все равно что лестница, которая, начинаясь в смиренном сердце человека, доходит до самого неба... Подняться к небу можно только по ступеням смирения и строгого порядка».

Если инок должен быть смиренным и послушным, то и аббат должен отдавать приказания в соответствии с законом Божьим. Настоятель должен учитывать характер каждого из братьев и ни в коем случае не делать различия между знатным и незнатным, свободными и рабами, бедными и богатыми. «Все мы составляем одно целое во Христе, все мы несем одну и ту же службу под главенством Бога».

Из самоотречения естественным образом вытекало и отречение от личной собственности, считавшейся пороком, который следовало вырвать с корнем. Всякий, кто хотел вступить в монашество, должен был публично отказаться от своего имущества в пользу родственников, бедных или монастыря. Монах не должен иметь ничего своего: ни книг, ни табличек для письма, ни стилета – все это он получает от аббата во временное пользование.

Положение об обязательном труде произвело в монашеской среде великий переворот. Св. Бенедикт обязал монахов заниматься физическим трудом – земледелием, в результате чего бенедиктинцы способствовали его развитию в Западной Европе. На физический труд в монастыре отводилось семь часов, и если это время монах тратил попусту, ему делалось строгое взыскание: «Если по бедности монастыря монахам самим придется убирать жатву, пусть они не огорчаются; они только тогда и могут считаться настоящими монахами, если живут трудами своих рук, как жили наши отцы и апостолы». Но, говоря о необходимости работать, св. Бенедикт прибавлял, что и в труде следует соблюдать меру, так как есть люди со слабым здоровьем и им следует давать работу по силам.

Определенное время правила св. Бенедикта отводили для чтения, и на уклонение от него смотрели так же, как и на уклонение от труда. С большими подробностями в правиле устанавливались религиозные обязанности братии. Продолжительность пения и богослужений зависела от времени года: вся Псалтырь прочитывалась в течение недели, ночью монахи вставали для всенощной службы и, кроме того, шесть раз в день должны были собираться на молитву. Присутствовать на богослужении обязаны были все, кроме тех, кто выполняет монастырское поручение где-нибудь в другом месте. Но и они в часы церковных служб мысленно должны были перенестись в свою обитель, преклонить колени и прочитать установленные молитвы.

Зная по собственному опыту всю трудность самоотречения, св. Бенедикт не хотел, чтобы монастыри пополнялись без разбора всеми проходящими. Поэтому кандидатами на монашескую жизнь были дети, посвященные Богу самими родителями или взятые в монастырь из милосердия. Дети, попадавшие в обитель, получали соответствующее воспитание, жили в монастыре долгие годы, находясь под строгим надзором аббата и братии.

⁷ По образцу монастыря Монте-Кассино вскоре стали устраиваться все монастырские общины Западной Европы.

Брали и молодых, и зрелых людей, кто приходил к монастырским воротам и просил принять их. Но взрослых, приходивших со стороны, св. Бенедикт не очень поощрял: они могли поступить в монашество случайно – под впечатлением внезапно нахлынувшего чувства или случившегося несчастья. Таким давалось время, чтобы успокоиться: четыре-пять дней им не открывали монастырские ворота, а только если страждущий, почти не отходя от обители, все время стучался в нее – в любую погоду, – перед ним открывались монастырские ворота. На первое время такого человека поселяли на несколько дней в монастырской гостинице. Если и по прошествии их он оставался в своем намерении принять монашество, его переводили в отделение послушников, где он жил целый год. За ним постоянно наблюдал старший и опытный монах, которому поручалось внимательно изучить характер и склонности испытуемого, познакомить его с трудностями монашеской жизни, неизбежными на пути послушания. Если человек по-прежнему желал поступить в монастырь, ему в течение года три раза читали все правило, заканчивая его словами: «Вот закон, повинуйся которому ты хочешь служить Богу. Если ты можешь соблюдать его – вступай в наше общество, а если не можешь – уходи; ты свободен». Если и после этого послушник сохранял стремление к иноческому подвигу, он уже лишался права уйти из монастыря.

В правиле св. Бенедикта есть несколько положений, касающихся обязанностей аббата, который должен постоянно помнить, что он занимает место Иисуса Христа и должен будет дать Богу отчет за своих подопечных. Аббат должен учить иноков более собственным примером, чем словами, и всех любить одинаково. Главные заботы настоятель обязан направлять не на увеличение монастырских богатств, а на правильное руководство вверенными ему монахами. Св. Бенедикт, особенно в преклонном возрасте, избегал «демократического» руководства монашеским сообществом. Аббату предоставлялась, по существу, неограниченная власть, но он должен был спрашивать у братии их мнения и совещаться с ними: в серьезных случаях – со всеми, в маловажных делах – только со старцами. В обители устраивались собрания, и каждый мог внести свои предложения для улучшения общего блага. Монахи должны были высказывать свое мнение смиренно, не позволяя себе дерзко защищать то, что им кажется лучше и правильнее. Но решения принимает только аббат, руководствуясь основным положением правила монашеской жизни св. Бенедикта Нурсийского – «*Ora et labora!*» («Молись и работай!»).

Гареджийская пустынь

В отрогах скалистого Гареджийского кряжа царит величавая и многозначительная тишина, которую нарушают лишь цикады, да еще прошуршат по тропе ящерица или змея – и замолкнут. Над вершинами скал неизменно парят орлы, которые гнездятся в каменистых расселинах. Здесь нет ни деревьев, ни горных потоков – только зной, камни и сухие травы. Но именно здесь, на Гареджийских хребтах и отрогах, сохранились остатки целого комплекса грузинских пещерных монастырей, известных под общим названием Гареджийская пустынь. В нее входят Давидова лавра (Давид-Гареджа), Нартлис-Мцхевели (монастырь Иоанна Крестителя), пустынь Удабно, монастыри Бертубани и Додос-Рка.

Эти крупные обитатели, расположенные в 60–70 км к юго-востоку от Тбилиси, высечены в отрогах голых скал, которые разделяют бассейны рек Кура и Иора.

Возникновение Давидовой лавры, старейшего из гареджийских монастырей, связано с миссионерской деятельностью основателя грузинского монашества Давида – самого известного из 13 «сирийских отцов», пришедших в Грузию. Некоторые грузинские ученые считают, что «сирийские отцы» были грузинского происхождения, принявшими монашество в Сирии и считавшимися учениками Симеона Столпника Дивногорца (умер в 596 г.). В начале VI в. они вернулись на родину проповедовать слово Божье. И было их, по мнению грузинского академика К. Кекелидзе, не 13, а больше – по крайней мере, 17 человек; и пришли они в Грузию не одновременно, и вовсе не являлись учениками Симеона Столпника, а бежали на родину от преследований за свое монофизитство.

Вернувшись в Грузию, св. Давид поселился сначала на горе Мтацминда (святая гора), однако близость шумного и людного города показалась ему несовместимой с подвижнической жизнью монаха. И этот суровый человек исполинского роста и железной воли удалился в выжженные солнцем Гареджийские горы, взяв с собой ученика Лукиана. Здесь они нашли пещеру, которая служила логовом дракону, но по молитве св. Давида чудовище было низринуто в бездну и сгорело в клубах дыма и языках пламени, им самим изрыгаемого.

Давид и Лукиан стали жить в пустынной местности, где во всем ощущался недостаток. Питались отшельники корнями горных трав, росших среди каменистых осыпей, пили дождевую воду. Дикие оленихи с оленятами со временем перестали бояться их и позволяли доить себя, и этим отшельники спасались от голодной смерти.

«Брат Лукиан, – сказал как-то Давид, – возьми блюдо и подои этих оленей».

Эпизод с оленями стал одним из ярких иконографических сюжетов, которые изображали монастырские живописцы. Этот сюжет имеется и в церковных росписях трапезной в Бертубани (начало XIII в.), и в росписи большой церкви в Удабно⁸, и в самой лавре, и на сохранившейся в ней позднейшей иконе.

При жизни св. Давида была вырублена церковь Преображения Господня, в которой потом похоронили его, а со временем и Лукиана. Согласно Житию Давида, церковь была устроена в нижнем дворе монастыря, а выше, в расселине, с потолка одной из пещер однажды потекла родниковая влага – прозрачная, как «слезы Давида», которыми он сопровождал свои молитвы о воде. Этот источник в пещере, впоследствии расширенной и превращенной в часовню, до сих пор утоляет жажду посетителей Давидовой лавры.

Монастырь Давида еще при жизни святого начал быстро расти, так как к нему приходило много людей, которые хотели поселиться рядом. Давид велел им приносить с собой только инструменты, чтобы они могли вырубить себе жилища, потому что естественных

⁸ Изображение в церкви Удабно дано в двух картинах: приход оленей и доение их Лукианом.

пещер было мало. И «поселились мужчины во множестве, услаждавшие себя пустынно-жизнью, ибо изо дня в день прибавлялось к их числу множество великое».

Скоро места вокруг лавры Давида не стало хватать, и поручил он одному из учеников своих – Додо – основать самостоятельную обитель: «Иди, брат, на отрог этой скалы, который расположен прямо напротив нас и возьми с собой других братьев». Так был основан монастырь Додос-Рка (обитель Додо), вырубленный в склоне горного хребта и ставший впоследствии самым длинным. В состав его входят комплексы самых разных эпох, а главная церковь была посвящена Пресвятой Богородице.

В Давид-Гареджийской лавре были как общежительно организованные группы иноков, так и отшельники, подвизавшиеся совершенно обособленно. Последние, по предположениям ученых, иночествовали, скорее всего, в Нартлис-Мцемели, основанном на рубеже VI–VII вв.

Справа за перевалом Гареджийского кряжа, на фоне неба, вырисовывается одинокая разрушенная сторожевая башня Чичхитури. По преданию, между ней и лаврой некогда существовал подземный ход. По откосам глубокой расселины, которая как бы прорезает Гареджийский кряж, теснятся пещеры, подземные храмы, кельи, трапезные, часовни... Над главными воротами значится дата – 1695 г. Примерно к этому же времени относятся башни и стены монастыря Нартлис-Мцемели. Но сейчас от него осталась только нижняя часть четырехгранного каменного столба, на более широкой стороне которого изображен святой Евстафий на охоте с представшим перед ним видением. На другой, более узкой стороне, сохранился только орнамент.

В эпоху основания Гареджийских монастырей Грузия состояла из отдельных княжеств, во главе каждого стоял собственный правитель. Со времен арабского владычества стали выдвигаться провинции Грузии, и одно из первых мест среди них занимала Кахетия. Даже когда Багратиды создали большое и сильное государство, Кахетия еще долго сохраняла свою самостоятельность. Но к началу XII в. и ее независимость была сокрушена. Наибольшего расцвета монастыри достигли в XI–XIII вв.

Незадолго до этого Грузия подверглась опустошительному набегу сельджуков, разграбивших многие монастыри. Но жизнь в них не прекратилась, а только немного затихла и упростилась по сравнению с предыдущими временами. И в этот период Гареджийские обители занимали исключительное место в духовной жизни Грузии. Каждая обитель представляла собой единый организм; в них сооружаются соборные храмы⁹, общие трапезы, просторные кельи, а в некоторых обителях создаются небольшие общежития. В каждом монастыре Храмы, скрытые в скалах сооружается система скальных лесенок и ходов, для всего монастыря были вырублены наружные цистерны с канавками для притока в них дождевой воды. Кроме того, такие «водопроводы» были специально проведены в общие трапезные. В пещерах устраивались амбары в форме больших кувшинов, которые только сверху имели отверстие. А в лавре Давида была устроена специальная пещера с коновязью и яслями для корма. В ней и еще в монастыре Нартлис-Мцхевели ученые обнаружили и остатки плодовых садов.

Монастырь Бертубани был основан в самом конце XII в. Вместе с кельями и церквями в скалах сразу была высечена большая трапезная, которая представляла собой зал с плоским потолком и входом в один широкий пролет.

Нашествие татаро-монголов нанесло большой урон Гареджийским монастырям. Некоторые из них были разграблены, а Бертубани угас совершенно. Другие обители если и не

⁹ Так, церковь в Нартлис-Мцхевели – это просторное помещение, освещенное через большие, неровной формы окна. С северо-востока к храму примыкало другое помещение, соединенное с главным пространством двумя арками из церкви и широким проходом из алтаря.

опустели окончательно, то значительно сократились по числу монахов. К тому же по прошествии некоторого времени на Грузию двинулись армии «железного хромца» Тимура, которые довершили монгольское опустошение.

Начиная с XV в. Гареджийские монастыри существовали настолько скудно, что не могли управлять даже собственными земельными угодьями. Опустели все обители, кроме Додос-Рка и самой лавры. Но царь Александр (1412–1442), который стремился восстановить Грузию, для чего не жалел усилий, не оставил без своего внимания и Гареджийскую пустынь. Но до середины XVI в. все сводилось к тому, чтобы сохранить в оставшихся монастырях хотя бы насельников.

Последующие грузинские цари, а также кахетинские богачи стали жертвовать в обители вклады. На их пожертвования (например, Я. Чавчавадзе и др.) во второй половине XVI в. началось возведение церквей и сторожевых башен, и среди них – башня Чичхитури, ставшая форпостом лавры и до настоящего времени сохранившаяся лучше других. Хотя часть верхних ее этажей обвалилась, но исследователи установили, что была она трехэтажной. В нижний этаж вела дверь, а на каждый следующий этаж поднимались по приставной лестнице в отверстие, находившееся в своде. Подобные башни были в Додос-Рка.

В нижнем дворе лавры до сих пор сохранились пещеры святых Давида и Лукиана, которые, по предположениям исследователей, были естественного происхождения, а уж потом их приспособили под жилье. Остальные пещерные кельи и церкви вырублены в скалах. Грузинские реставраторы обновили древние стены, исправили во дворе обе башни, одна из которых (более монументальная) называется «башня царя Александра». Она названа в память о ее строителе – кахетинском царе, затворившемся в лавре и погребенном в пещерной во имя церкви святителя Николая в самом начале XVII в. В этой башне сохранились следы фресковой живописи XVII–XVIII вв.

Если подняться на вершину Гареджийского кряжа, то сверху можно увидеть на севере башню соседнего монастыря Додос-Рка, а чуть восточнее – башню Чичхитури. В ясный день, когда прозрачны бесконечные горные дали, на фоне снежных вершин Кавказа виден весь Тбилиси с горой Мтацминда и крепостью Нарикала.

Двигаясь от лавры Давид-Гареджи вдоль кряжа на восток, можно добраться до развалин монастыря Бертубани, который сыграл особую роль в развитии гареджийской фресковой живописи. На стенах монастырской пещерной трапезной и церкви были созданы образцы духовной живописи великим мастером, имя которого до нас, к сожалению, не дошло. Но даже копии этих удивительных фресок, сделанные в 1920-е гг. для организации в Берлине выставки грузинского искусства, произвели огромное впечатление на западных искусствоведов. Они были потрясены оригинальностью грузинского мастера, который своим творчеством предвосхитил многие черты раннего итальянского Возрождения.

Академик Г. Н. Чубинашвили, искусствовед и археолог, предположил, что автором фресок монастыря Бертубани был не простой монах, а светский художник. Может быть, даже из числа приближенных к царице Тамар, потому что он создал на монастырских стенах фресковые портреты царицы и ее сына Георгия с такими подробностями, какие не мог знать человек, далекий от придворной жизни.

Здания храма и трапезной в Бертубани давно уже лежат в развалинах, да и судьба древнего мастера сложилась, видимо, трагически. Скорее всего, он погиб во время нашествия татаро-монголов, разрушивших в XIII в. Гареджийские монастыри. Но художественные памятники Давид-Гареджи, с самого начала своего возникновения занявшей значительное место в жизни и культуре грузинского народа, частично сохранились на самом горном кряже, а частично в художественных музеях Тбилиси. В них запечатлена история грузинского народа и его культуры – история, полная трагической борьбы с многочисленными завоевателями и высоких взлетов в искусстве.

В монастырях Эфиопии

Библия, летописи и египетские книги говорят о существовании Эфиопии за 1500 лет до Рождества Христова. Когда христианство пришло на эту землю, здесь было богатое и сильное государство. Первыми проповедниками веры Христовой были апостолы Фома и Филипп и евангелист Марк, но сначала христианство много страдало от язычников.

В IV в. жители Тира предприняли путешествие в Эфиопию. Сначала плавание проходило благополучно, но в Красном море внезапно разразилась сильная буря, выбросившая путешественников на берег. Местные жители убили всех, кроме двух юношей – Фрументия и Эдессия, которых продали аксумскому царю. Сначала их заподозрили в недобрых намерениях, но вскоре убедились в их невиновности и отпустили. Оба они много потрудились для распространения в Эфиопии света веры Христовой, а Фрументий впоследствии был поставлен епископом Эфиопской церкви. Благодаря его неустанным трудам христианство из Аксума распространилось по всей Эфиопии.

В IV в. аксумский царь Эзана ввел христианство в качестве государственной религии, и уже в начале VI в., как пишет в своем исследовании С. Б. Чернецов, в стране появились монастыри. Основателями их считаются египетские и сирийские монахи, бежавшие на рубеже V–VI вв. из Византийской империи, когда там начали преследовать монофизитов. В Аксумском царстве они нашли и убежище, и широкий простор для деятельности, а роль самих монастырей в деле христианизации Эфиопии начиная с аксумских времен была поистине огромной.

Монастырский устав был очень строгим, но некоторые эфиопские монахи все равно считали жизнь в монастыре роскошной и потому уходили в отшельники. Они жили просто, чтобы ничто не отвлекало их от служения Господу, и верили, что служить Богу можно и созерцая природу, потому что она – книга, написанная им самим. Поэтому эфиопские иноки никогда не нанесут вреда ни растению, ни даже камню.

В VII–VIII вв. Аксумское царство, отрезанное от Красного моря, а следовательно, и от торговли, пало. Не стало городов, в которых сосредоточивались власть, ремесла, торговля, религиозный культ, образование и культура. Центром политической власти вместо прежней столицы стал походный лагерь царя, что было вполне обычным явлением и в раннефеодальной Европе. «Управлять государством, сидя во дворце, было невозможно. Чтобы держать страну в руках, приходилось беспрестанно разъезжать по ней во всех направлениях».

Торговля в Эфиопии перешла в руки странствующих мусульманских купцов, ремесло пришло в упадок и стало обслуживать только нехитрые потребности земледельцев. В этих условиях эфиопским монастырям пришлось взять на себя функции, которых они не знали во времена Аксумского царства. Во-первых, надо было христианизировать языческие земли юга страны, так как Эфиопия этого времени была страной «блуждающих столиц». И монахи бесстрашно двинулись в глубь языческих территорий, где начали возводить обители и просвещать местное население верой Христовой. Белое духовенство было им тогда плохим помощником, потому занималось совершением богослужений в уже возведенных храмах и обслуживало религиозные нужды своей христианской паствы.

Во-вторых, на монастыри легла обязанность по организации высшего богословского образования школяров. При местных церквях малолетние ученики, которых называли «псалтырными чадами», выучивались читать Псалтырь, иногда еще и писать. При некоторых монастырях существовали еще и «школы литургии», в которых молодых людей готовили к принятию сана и исполнению обязанностей иерея и дьякона. Таким образом, это было образование, которое молодой эфиоп получал, не покидая родного края.

Однако церкви нужны были и квалифицированные мастера хорового пения, которым в Эфиопии сопровождалась все ритуальные действия и танцы. Нуждалась церковь и в знаках церковного календаря, канонического права, патристики и т. д. Предоставить все это могли только монастыри и богатые соборы, которые располагали большими библиотеками и могли содержать штат ученых преподавателей. Однако подобных соборов было мало, к тому же благосостояние их зачастую оказывалось переменчивым, поэтому задачи организации высшего богословского образования в Эфиопии и выпали на долю монастырей, располагавших для этого большими возможностями. Царь и знать из-за кочевой жизни не могли иметь значительных книжных собраний, и если они заказывали переписать книгу, то не для себя лично, а чтобы подарить ее храму или монастырю. И заказывали они чаще всего такие книги, в которых те действительно нуждались: для новых церквей и монастырей – напрестольные Евангелия, для старых – требники и служебники, жития святых и др. Книги Ветхого и Нового Завета, писания святых отцов церкви и монашеские правила попадали в монастыри, где имелись отделения высшей богословской школы. В последних не только переписывали и сохраняли произведения официальной историографии, но и создавали собственную историографическую традицию.

Образование в обителях было бесплатным, но ученикам приходилось уходить из отчего дома. Нередко родители были против, не отпускали сыновей, потому что многие из студентов высшей богословской школы постригались потом в монахи и домой, естественно, уже не возвращались. Следует отметить и тот факт, что многих молодых людей манило не только желание продолжить учебу, но и романтика странствующей жизни.

С вступлением школяра в монастырь одеждой его становилась накидка из овечьей или козьей шкуры, пищей – собранные в дороге, а потом поджаренные зерна. На ремне через плечо у него висела сумка для подаяний, сплетенная из пальмовых листьев. Жизнь странствующих школяров была нелегкой: во время сбора подаяний их часто кусали собаки, они страдали и от голода, и от ночного холода; многие болели чесоткой и «куриной слепотой», которую даже называли «болезнью школяров». Многие из них, и ослепнув, продолжали учебу, поэтому слепой ученый с феноменальной памятью – нередкое явление среди богословов Эфиопии. Иногда именно такие незрячие получали титул «четырёхглазого» – высшую степень богословской учености.

На получение полного образования требовалось 30 лет, но в одном монастыре получить его было невозможно, и школяры переходили из одной обители в другую, обходя порой чуть ли не всю страну. Так они избавлялись от областной привязанности, столь характерной для феодальных отношений, и учились мыслить уже в масштабах христианского царства. Кроме того, «назраци» – грамотные монахи – в праздничные дни по окончании литургии часто выступали в церковной ограде с длинными поучениями. Поэтому праздники у эфиопов проходят большей частью в молитвах в храмах, а дома – в чтении Священного Писания, оттого народ эфиопский – богомольный, миролюбивый и милосердный.

В высших монастырских школах изучались богословие, древнеэфиопский язык «геэз», письменность и другие науки. Грамматика языка очень сложная: азбука его состоит из 34 букв, но каждая буква имеет до семи и более переходов в соответствующий звук к известному слогу. Так, от буквы «б» к «в» насчитывается около 20 переходов. Есть в нем много звуков, которые нам вообще трудно уловить, а всего существует 260 звуков с различными оттенками.

Первым из всех монастырей с высшей богословской школой являлся Гандар, в котором были школы всех направлений: «дуга, мацгаф, макауон, кидасси» и др. Последняя являлась литургической, и в ней изучали объемистую книгу, содержащую 14 литургий, которые совершаются в эфиопских храмах. Школа «кидасси» была и местом приуготовления священников, поэтому она часто называлась Эфиопской семинарией.

Получивший полное богословское образование обладал большим авторитетом и мог занять высокий пост в церковной иерархии – стать настоятелем большого собора или даже монастыря.

Другой системы образования в Эфиопии тогда не было, поэтому «монастырские университеты» готовили кадры не только церковные, но и для светской администрации. Людей, получивших такое образование, нередко приглашали и на государственную службу – учителями царских детей, официальными историографами, духовниками, личными секретарями и разного рода чиновниками, включая и членов Верховного суда.

Легендарный Шаолинь

В наши дни знаменитый монастырь Шаолинь не так-то просто отыскать среди множества магазинов, харчевен и спортивных школ, на несколько километров растянувшихся вдоль дороги. А начиналось все в почти незапамятные времена, когда китайское искусство «ушу» разделилось на две большие ветви: даосскую, которая положила начало школам так называемого «внутреннего» (или «легкого») направления, и буддийскую, которая сама вышла из всемирно знаменитого монастыря Шаолинь. В течение столетий эти школы, в свою очередь, дробились и умножались, мастера сменяли друг друга, усложнялась техника Шаолинь – обитель в заповедном лесу «ушу», но конечной его целью неизменно оставалось духовное совершенствование человека.

Легендарный монастырь, и поныне существующий на севере Китая (в провинции Хэнань), по праву считается колыбелью академических воинских искусств «внешнего» стиля. Слава этой обители многие века гремела по всему Востоку, хотя подлинная история монастыря и населявших его монахов-воинов мало кому известна. Долгое время считалось, что эта обитель – единственная, но оказалось, что есть и другие Шаолини. Неподдалеку от города Гуанчжоу (в провинции Фуцзянь), в середине VIII в. – через 100 лет после возведения первого Шаолиня – был построен второй. Оба монастыря поддерживали между собой тесные связи¹⁰, но, как выяснилось, был и третий Шаолинь, тоже располагавшийся на севере Китая – на берегу озера Хунлун (построен в 1341 г.). Но и это еще не все: два небольших Шаолиня существовали в провинциях Гуандун и Сычуань, ведь в Средние века слава о центральном монастыре вышла далеко за пределы Среднего царства, что привело к созданию подобных обителей в других странах. Но своей немеркнувшей славой Шаолинь обязан первому, главному монастырю.

В Северном Китае, к западу от древней столицы Лоян, раскинулся горный массив Хаошань. В начале III в. здесь нашла убежище группа буддийских монахов, которые поселились на неприступной скале Сун и начали воздвигать монастырь-крепость, который бы защитил их от войск враждующих между собой феодалов и от свирепых разбойников, наводнивших всю округу. Построив при помощи местных крестьян храм, они обнесли его массивной каменной стеной, на вершине горы посадили молодые сосенки, которые со временем разрослись и стали надежной защитой от ветров, к тому же от них произошло и название монастыря: «шаолинь» – молодой лес.

Чтобы обеспечить безопасность монастыря и другими средствами, настоятель обители Чхоу Цзинь пригласил в Шаолинь двух мастеров воинского искусства – Гунь Сувэя и Хэн Гайчжана, которые должны были обучать охрану боевым приемам. И через некоторое время монастырская братия имела уже небольшой, но действенный воинский отряд. Однажды, когда большая шайка разбойников в надежде на легкую добычу напала на Шаолинь, монахи не только отразили их натиск, но и гнали нападавших до самого их логова, где захватили богатую добычу. После этого по всей Поднебесной поползли слухи о горной обители, осененной благодатью.

В V в. Шаолинь был уже главным буддистским центром государства Северная Вэй; старое здание его было перестроено, монахам созданы все условия для занятия боевыми искусствами. В 426 г. по указу императора, посетившего монастырь, были возведены новые фортификационные сооружения; кроме того, император распорядился оставить в обители гарнизон охраны. Отныне монахам уже не нужно было самим день и ночь нести караульную службу и изнурять себя изучением сложнейших приемов рукопашного боя. Погрузившись

¹⁰ Второй «Шаолинь» был разрушен маньчжурами, и на его месте впоследствии была устроена новая обитель – Душан.

в изучение глубин буддизма, они надолго отошли от практики «ушу», и почти на 100 лет традиции монастырского рукопашного боя были преданы забвению.

Возрождение славы Шаолиня связано с именем сурового подвижника и неумоимого проповедника Бодхидхармы (Бодо, а по-китайски Дамо). Сын индийского раджи, он с небольшой группой единомышленников прибыл в Китай в 520 г., но не нашел общего языка с правителем государства Северная Вэй, которого хотел наставить на истинный путь. Тогда Дамо удалился в Шаолинь и долгие годы прожил в монастыре в добровольном затворничестве: девять лет он неподвижно просидел под сводами пещеры-грота, созерцая в процессе самопознания каменную стену.

Во времена Дамо по дорогам стран Востока бродили толпы странствующих монахов, которые жили в основном подаяниями. И тем не менее на свои личные нужды или на нужды храмов они собирали немало средств, которые привлекали внимание разбойников, солдатских патрулей или просто хулиганов из близлежащих деревень. И если купеческие караваны в ту пору довольно хорошо охранялись, то монахам надеяться было не на кого. Но со временем положение изменилось: мобилизация скрытых возможностей человеческого организма дала шаолиньским инокам невиданное прежде могущество. И многие охотники до чужого добра предпочитали скорее встретиться с отрядом себе подобных или с солдатским патрулем, чем с одним монахом из Шаолиня.

Во времена Дамо в монастыре появились профессиональные преподаватели воинских искусств, и толпы послушников устремились в святую обитель в надежде овладеть не только книжной премудростью, но и секретами рукопашного боя. Среди новообращенных оказался и бывший предводитель отряда наемников Мэн Чжан по прозвищу Рыжий Лис. Решив пережить смутные времена за крепкими стенами монастыря, он усердно изучал сутры и столь же усердно орудовал кулаками. Вскоре монастырская братия избрала Мэна настоятелем обители, что принесло Шаолиню немало выгод. Он сумел убедить иноков, что залог процветания монастыря в его богатстве, поэтому монахи стали взимать тяжкие налоги не только с крестьян. Они брали огромные пошлины с проезжавших купцов, а окрестных феодалов заставляли жертвовать огромные суммы на алтарь Будды. За 30 лет правления Рыжего Лиса сокровищница монастыря заметно пополнилась, а вот моральные устои его насельников сильно пошатнулись. Впрочем, Мэн ввел строгую систему приема послушников, так как не хотел допускать в общину чужаков.

Не желая ни в чем зависеть от светских властей, он со временем отказался от солдатского гарнизона, который защищал монастырь, и сформировал из монастырской братии ударный отряд. Приняв на себя обязанность защищать (за немалую мзду!) местных жителей от нападений разбойников, питомцы Шаолиня уничтожили все окрестные шайки и установили свои порядки. Однако внутри самого монастыря не все обстояло благополучно: братия раскололась на два враждующих лагеря, и в 612 г. одна группировка вынуждена была оставить обитель. Но подосланные ею лазутчики подожгли монастырскую сокровищницу; по преданию, в огне сгорело много дорогих тканей, свитков и рукописей. А вот все реликвии, относящиеся к Дамо, уцелели.

Первые настоятели Шаолиня разработали и монастырский устав, который на протяжении нескольких веков неукоснительно соблюдался и в других обителях. Монахи вставали в пять часов утра и в любое время года и в любую погоду два часа медитировали на открытом воздухе. Несколько наставников ходили между рядами и ударами бамбуковых палок будили тех, кто начинал дремать. Вслед за медитацией шли разминка и выполнение комплекса гимнастических упражнений; большое внимание уделялось водным процедурам и массажу, которые проводились в специальных павильонах.

После легкого завтрака несколько часов отводилось для теоретических занятий: чтения сутр, религиозно-философских диспутов и т. д. Рукопашный бой рассматривался как про-

должение религиозной практики, как своего рода активная медитация, ведущая к Прозрению. Обучение воинским искусствам основывалось в Шаолине на пяти принципах, составивших впоследствии фундамент всех школ «ушу»:

- постепенно наращивать нагрузки, не допуская срывов;
- заниматься усердно и непрерывно в течение всей жизни;
- соблюдать умеренность в пище и не есть мяса, воздерживаться от алкоголя и распутства;
- при любых обстоятельствах соблюдать спокойствие и невозмутимость, помня о единстве жизни и смерти;
- соблюдать ритуал и следовать установленным традициям.

Вечерние часы в монастыре обычно отводились медитации, философским беседам и диспутам, но молодые люди могли тренироваться до поздней ночи.

В ранних воинских искусствах преобладали жестокость и сила, но в Минскую эпоху взгляды на «ушу» изменились. Идею «силы, побеждающей силу», сменила более гибкая система, и мастера все охотнее стали прибегать к различным отвлекающим маневрам и хитростям.

Не бойся яростной схватки и помни:

Малым можно победить великое...

Эти и другие заветы патриархов Шаолиня легли в основу бесчисленных школ и ответвлений «ушу», возникших и в самом Китае, и за его пределами. В уезде Дэнфэн существует около 70 монастырей, но всемирно известен, как говорилось выше, только Шаолинь, особенность которого определяется его связью с основателем чань-буддизма и с участием в событиях в борьбе за власть в Китае на протяжении более чем 1000 лет. В настоящее время в Шаолине около 70 монахов, из которых чуть больше половины – усэн, т. е. занимающиеся «ушу». Из числа усэн традиционно выбирается и настоятель монастыря.

В Шаолине много достопримечательностей, но главной является пещера-грот. Путь к ней неблизкий, ведь она расположена почти на самой вершине горы, но вся дорога туда вымощена камнем, а в особо трудных местах устроены ступеньки. За пещерой ухаживают монахини из монастыря «Могила одного патриарха». На вершине горы выстроена и традиционная беседка, а недавно установили огромную статую Дамы, выложенную из камня. С высоты открывается прекрасный вид на горную долину Суншань.

Еще одной реликвией Шаолиня является «плащаница Бодхихармы», которая находится в одном из павильонов монастыря и представляет собой каменную плиту с запечатленным на ней профилем святого.

Сен-Галленская обитель

До возникновения монастыря местность эта была суровой и дикой. Здесь тянулся глухой первобытный лес, звуки человеческой речи не раздавались в альпийских долинах, и никто не забрасывал невода в шумные воды Штеймаха. Первыми в этот пустынный уголок Альп пришли образованные ирландские миссионеры, стремившиеся повсюду распространить христианство. Они покидали свой остров и через Францию расходились по разным уголкам тогда еще варварской Западной Европы.

К числу таких мирных миссионеров относился и св. Галл.

Он прибыл сюда со своим товарищем, освятил это место, поставил в землю крест, сделанный из веток деревьев, и повесил на него ящичек с реликвиями, который принес с собой. В дикую, пустынную местность пришли скромные, но энергичные и преданные своему делу люди. Закипела работа, и вскоре все вокруг преобразилось. Те же горы, та же долина и те же стремительные потоки, но все это озарилось светом веры Христовой. Вскоре молва о жизни и подвигах поселившихся здесь миссионеров привлекла к ним людей, и местность эта начала быстро заселяться. Центром колонии стала новая церковь.

Но развиваться обитель стала только спустя 100 лет после смерти св. Галла, когда в ней ввели устав св. Бенедикта Нурсийского. Благочестивому устройению монастыря способствовали и другие благочестивые влияния. Так, все аббаты Сен-Галлена стремились привлекать в монастырь свежие силы из Британии, Германии, Италии. Аббат Отмар, например, после введения устава святого Бенедикта учредил в обители школу.

Сначала Сен-Галленский монастырь находился в зависимости от констанцского епископа, в епархии которого он находился. Но монастырь энергично боролся за свою самостоятельность, и в правление аббата Гримальди она была получена. При этом же аббате была значительно увеличена монастырская библиотека, что повлекло за собой дальнейшее развитие монастырской школы. Высшей же степени своего развития монастырская наука достигла при аббате Соломоне, правление которого продолжалось 30 лет (890–920).

Школ в Сен-Галлене, как и в большинстве средневековых монастырей, было две: внутренняя и внешняя. Первая предназначалась исключительно для тех лиц, которые впоследствии становились монахами. Здание ее одной стороной примыкало к монастырской церкви, школьные помещения располагались вокруг широкого двора, но между ними и двором протянулась по всем сторонам крытая галерея. Церковь эта предназначалась для учеников внутренней школы. В некотором отдалении от школьных построек располагались кухня и баня с четырьмя котлами, очагом и двумя скамьями. По другую сторону школьной церкви находилась монастырская больница.

Внешняя школа размещалась в другой стороне – между покоями аббата и гостиницей для знатных посетителей. Ее окружал забор, на котором была сделана любопытная надпись: «Эта ограда стесняет желания учащейся молодежи», т. е. должна была способствовать усилению внимания и углублению в изучаемый предмет.

Основой средневекового преподавания были семь так называемых свободных искусств, но прежде школяры должны были пройти элементарный курс. Учить начинали с семилетнего возраста, перед началом занятий читалась молитва: «Дай рабу сему пригодный к учению ум, чтобы он преуспевал и во внешних науках (светских. – *Ред.*), и удостоился бы приобрести способность к пониманию вечной науки (богословия)».

В элементарный курс входили: Псалтырь (латинская), письмо, церковное пение, церковное счисление и курс грамматики. Чтобы научить школяров читать, пользовались маленькими дощечками или листочками, на которых в алфавитном порядке были расположены буквы. Когда ученики осваивали азбуку, переходили к изучению Псалтыри, написанной

крупными буквами. При этом стремились добиться, чтобы ученики читали без малейших ошибок; если же ошибки при чтении случались, учеников наказывали.

При освоении письма сначала учились писать на покрытых воском дощечках; после них переходили к пергаменту, на котором писали пером и чернилами. За дурное письмо, как и за дурное чтение и за ошибки в церковном пении, провинившегося наказывали телесно. В одном из средневековых стихотворений говорилось:

Если ты не хочешь писать хорошо,
Я испишу твою спину плетью,
Чтобы ты пропел мне плачевную песню:
«Ой-ой!»

Телесное наказание считалось необходимым при учении, и даже «правило монашеской жизни» св. Бенедикта признавало эту необходимость. Били учеников обычно по рукам или по спине, и в некоторых монастырях был даже обычай сечь учеников на Рождество, видимо, в воспоминание об избииении царем Иродом младенцев.

В Сен-Галленском монастыре в первой половине X в. произошел даже трагический случай. Решили наказать нескольких учеников, и одного из них послали на чердак за розгами. Но тот, вместо того чтобы исполнить приказание, вытащил по пути из топившейся печи полено и положил его под самую кровлю здания. Когда загорелись балки, он сбежал вниз и стал кричать о пожаре. Потушить огонь не смогли, и монастырь почти полностью сгорел.

Научив учеников читать и писать по-латыни, приступали к изучению элементарного курса грамматики, т. е. учили школяров различать части речи, склонять и спрягать. При этом старались, чтобы и бытовые разговоры ученики вели на латинском языке. Для этого учителя составляли небольшие словари и разговорники. В соответствии с текстами разговорников разыгрывались сценки, где попеременно участвуют монах, крестьянин, охотник, рыбак, повар и т. д. Каждый из них отвечал на вопросы, касающиеся его занятий, и называл предметы своего обихода.

Когда ученики приобретали некоторые навыки в латинском языке, их заставляли заучивать псалмы. Только после этого следовало обучение семи свободным искусствам, которые средневековыми монастырскими школами были унаследованы от императорского Рима: это грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Один из средневековых авторов сравнивал семь свободных искусств с семью ступенями, по которым человеческий дух поднимается к мудрости. Если в монастырских школах было достаточное число преподавателей, эти науки изучались одновременно; если же учителей не хватало – изучались лишь некоторые из перечисленных предметов.

Главнейшей из всех светских наук была грамматика, которая в то время имела гораздо большее значение, чем в последующие века. Кроме того что она изучает в настоящее время, в нее входило чтение и обстоятельное толкование произведений различных авторов, а также стилистика, метрика и отчасти риторика. В Сен-Галлене, как и в некоторых других культурных центрах, ученики знакомились с сочинениями Цицерона и Квинтилиана, а касаясь судебного красноречия, изучали памятники римского права.

Средневековая геометрия скорее соответствовала географии, так как в ней сообщались описание Земли и сведения о ней. Любимейшим чтением учеников были так называемые «физиологи», в которых рассказывалось о животных, существующих в действительности, и о фантастических, а также о редких камнях и деревьях. «Физиологи», в которых было много религиозно-мистического и символического, переводились на все языки и иногда излагались стихами. Изучение астрономии в монастырских школах основывалось на положении

Птолемея о движении Солнца вокруг Земли. Ночью, когда небо сияло звездами, ученики с учителем наблюдали движение светил в разных частях небесного свода. Следует отметить, что вообще преподавание астрономии преследовало чисто практическую цель – разъяснение церковного календаря, определение времени празднования Пасхи и т. д.

Рим оставил средневековым школам в наследство и подходящие руководства. Особой известностью пользовалось сочинение Марка Теренция Варрона, в котором (кроме семи свободных искусств) указывались также медицина и архитектура. По образцу римских руководств в монастырских школах составлялись и собственные руководства.

В отдельном флигеле, который примыкал к соборной церкви монастыря, размещались библиотека и скрипторий – комната для переписывания рукописей. На стене скриптория была сделана надпись: «Здесь пусть сидит только тот, кто пишет реченья святого закона или святых отцов, одаренных разумом и благочестием. Да остерегается всякий говорить здесь что-либо легкомысленное; из-за легкомысленной беседы ошибается рука. Прилежно собирайте сочинения, в которые не вкралось никакой лжи, чтобы рука пишущего двигалась по безопасному пути. Чудесное занятие – писать священные книги, и пишущего ждет верная награда!»

Ученики внутренних школ считались полной собственностью монастыря; они подчинялись всем правилам, что и монахи, и с самых малых лет привыкали к монашеской жизни. Дисциплина в школах была замечательная. В 911 г. Сен-Галлен посетил германский король Конрад I, которого встретили с подобающей пышностью. Желая побаловать учеников (а может быть, и испытать!), он вынул золотую монету и подал ее одному из них. Но ученик стал отказываться, так как воспитанникам запрещалось принимать что-либо от посетителей. Тогда король положил ему монету в рот, но ученик выплюнул ее и громко закричал. Через некоторое время Конрад I стал бросать в учеников яблоки, но те не обращали на них внимания. Прожив в Сен-Галлене три дня, король остался доволен воспитанниками и приказал, чтобы эти три дня стали ежегодными днями отдыха.

Первый буддийский монастырь Тибета

Одной из первых знаменитых обителей Тибета стал монастырь Самье, основанный во время правления цэнпо (короля) Трисонг Децэна (755–797), решившего объявить буддизм государственной религией. Этому воспротивились представители древней тибетской религии «бон» («бонпо»), обладавшие непререкаемым авторитетом в тибетском обществе. Неизвестно, чем бы закончилась борьба между цэнпо и жрецами, но у Трисонг Децэна появился могущественный сторонник – знаменитый маг и проповедник Падмасамбхава.

Все в этом человеке было необычно: чудесное рождение, воспитание, сила магического искусства... Падмасамбхаве приписывается основание школы «нйинмапа», создание цама, введение различных мистических ритуалов, связанных с учением ваджраяны (тантризма). Из всех буддийских стран учение это особенно широко распространилось сначала на Тибете, а потом в Монголии.

«В буддизме сутр... состояния нирваны можно достичь в ходе бесчисленных перерождений, лишь постепенно очищаясь от скверны и накапливая добродетели. В тантризме предполагается достичь этого за одну жизнь – путем совершения мистических обрядов. Поэтому в нем так развиты йога и магические ритуалы (в том числе сексуальные)».

Оказавшись на Тибете, Падмасамбхава проявил уважение и терпимость к местным традициям и верованиям. Он нашел единственно верный путь, объявив бонские божества достойными почитания наряду с буддистскими, и тем самым погасил пламя вражды: буддисты признали бонские божества, и наоборот. Примирение прежде враждовавших сторон было отмечено в 775 г. закладкой монастыря Самье. Сам цэнпо, его пять жен и приближенные пожертвовали на возведение будущей обители большие средства. За образец возводимого монастыря цэнпо предложил взять храм Одантапури, располагавшийся в индийском г. Наланде. Он же выбрал и место для обители – в Ярлунгской долине (примерно в 100 км от Лхасы), на берегу реки Цанпо, недалеко от Брахмапутры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.